

Б.К. Давыдов

ОБОЧИНА

Борис Давыдов

Обочина

«Издательские решения»

Давыдов Б. К.

Обочина / Б. К. Давыдов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855789-7

Умом Денис находил некую общность между ними, ведь его также кидает от женщины к женщине, словно голодного, перед которым поставили несколько блюд, и он накидывается то на одно, то на другое и в результате вообще не понимает вкуса пищи. Но у него есть оправдание — он мужчина. Женщина в этом случае проигрывает — так повелось издревле. Но, к сожалению или к счастью, мужиков всегда тянет на «сладкое». Природой, что ли, заложено? Но ведь есть же любовь человеческая, есть!

ISBN 978-5-44-855789-7

© Давыдов Б. К.
© Издательские решения

Содержание

Главный вопрос	6
Глава 1. Целомудрие	8
Глава 2. Фотографии	12
Глава 3. Новое знакомство	16
Глава 4. Смотрины	21
Глава 5. Свадьба	27
Глава 6. Неприязнь. «Котище»	31
Глава 7. Согласна	36
Глава 8. Фактор ППИ	40
Глава 9. Алла забеременела. Денис влюбился	45
Глава 10. Каждому – своё	51
Глава 11. Решение о разводе	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Обочина

Борис Константинович Давыдов

*Я обнажаю не людей,
а их характеры.
Борис Давыдов*

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Борис Константинович Давыдов, 2018
© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-5789-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борис Константинович Давыдов

Главный вопрос

Кстовский писатель, автор романа «Жернова» Борис Давыдов верен своей теме. Перед вами его новый роман «Обочина».

Знакомый с творчеством Бориса Давыдова читатель скажет: «Что ж, почитаем ещё один любовный роман». Это поспешное суждение. И «Жернова» не столь любовный, сколько проблемный роман. Как и новая книга, написанная в том же русле, но более захватывающая.

Жизнь такова, что человек прошлого и ныне живущий не вписывается в литературные схемы и рамки с полным исключением его плотской сущности. И здесь, думается, уместно вспомнить строку одного из стихотворений Шиллера, ставшую крылатой: «Любовь и голод правят миром». «И все мы выполняем повеления этих двух основных сил», – добавляет в свою очередь М. Горький.

Как правило, писатель с пристальным и цепким взглядом, с большим жизненным опытом не проходит мимо повседневности. Речь может идти лишь о степени натурализации и соблюдении границ устойчивой морали. Таких качеств литературы в недавнем прошлом у нас был или дефицит, или избыток. Смотря по запросам читателя, неразборчивого рынка. И писателя тоже.

Борис Давыдов, по нашим наблюдениям, старается держаться золотой середины, не игнорируя при этом выразительных средств повествования. Всё это без ханжества, как и без любования культом секса, то есть чувственности.

Итак, перед нами вторая книга Бориса Давыдова. С добротой выстроенным сюжетом, выразительным литературным языком. Назвал он её «Обочина».

У слова сего в прямом и переносном значении не столь уж добрая репутация. Обосновано это и в романе. Герои его – люди молодые, наделённые и здоровьем, и привлекательностью. Они только вступают во взрослую жизнь, выбирают трудовые пути. Но жизнь сложна и беспощадна, и немало людей сбивается в ней с большака на топкую и гиблую обочину. Порок сладок. И на первый раз, и на второй, и на десятый. А оглядеться вокруг, взвесить всё – то некогда, то не модно.

И вот прекрасная девушка Алла сразу же после своего совершеннолетия, удачливого замужества и начала трудовой жизни оказывается в капкане, поставленном на неё людьми циничными, безнравственными и распутными. С волками жить – по-волчьи выть. И Алла становится не только жертвой, но такой же алчной жрицей плотской страсти. Для начала с одним вероломным любовником, а потом и с кем попало. Обратной дороги нет. То есть она есть, да не на этой обочине.

Сбит с толку и со своих нетвёрдых жизненных позиций и молодой муж Аллы – Денис. Вероломство заразно. В метаниях своих и Денис попадает в сети соблазна.

Две неприкаянные души – Денис и Юлия – чуть-чуть не обретают счастья. Но людское коварство преграждает им путь. И надолго.

Интриги, противостояние порока и чистоты – такова линия романа. Не все его герои отъявленные мерзавцы и селадоны, но на всех у автора хватает своих красок.

Искреннюю симпатию читателя вызывает Ананий Фёдорович, отец главного героя, – человек труда, хозяин жизни, носитель нравственного начала, выверенного Отечественной войной и всей своей жизнью. Немного страниц посвятил ему Борис Давыдов. Но в них смысл повествования. Отчасти он видится на путях религиозных, но и не только на них и не прямолинейно.

Ананий Фёдорович – человек ищущий Истину. А она – в Творце. То ли это Космос и Вселенная, то ли такая простая и доступная православная религиозность – и в церкви, и в своей душе.

Но Ананий Фёдорович человек в годах и умирает внезапно, так и не разрешив своих «вечных» вопросов. Надо полагать, автор передаёт эти вопросы читателям.

Но на главный вопрос ответ всё же есть: не на «обочине» живёт человеческое счастье.

Сергей Метнёв,

член Союза журналистов с 1961 года,

автор тринадцати поэтических сборников.

Член Союза писателей России

Глава 1. Целомудрие

Окно в комнате Аллочки Ротмановой открыто настежь. Летний ветерок надувает лёгкую тюлевою занавеску, шелестит страницами учебника на столе. Скоро вступительные экзамены в институт, а в голову ничего не лезет, прочитанное тут же забывается, приходится возвращаться к одному и тому же абзацу снова и снова. То ли виновато лето, то ли мысли о предстоящем свидании с парнем, – кто ж разберётся в том, о чём мечтает восемнадцатилетняя девушка.

Алла прехорошенькая – тонкая талия, белокурая коса, туго обтянутые платьем нижние формы. Вот она повернулась: личико овальное, нежное, большие серые, чуть в голубизну, глаза, маленький аккуратный носик и резко очерченные алые губки – так и манящие к поцелую. И улыбка у неё милая, а уж засмеётся – сверкнут влажной белизной ровные зубки. Правда, когда её обижают, глаза холодеют, губы сжимаются, движения становятся грубоватыми.

Алла прошлась по комнате, потянулась и легла на кровать. Закрыла глаза. И тут же память увела её к школьному новогоднему балу, когда она познакомилась с Михаилом – студентом последнего курса иныа. С того знакомства прошло почти семь месяцев, а до сих пор стоит перед глазами, как он провожал её по морозу до дома, как расстегнул на ней в подъезде пальто, присел на корточки и, обняв за бёдра, стал отогревать дыханием её колени. Алла не противилась.

– Не боишься? – прошептал Михаил.

– Но ты же не будешь кусаться? – отшутилась она.

От его дыхания ногам стало тепло, хотя минуту назад казалось, что капроновые чулки покрылись льдом. В следующее мгновение она почувствовала его руку под своим платьем.

«Что он себе позволяет!» Не успела Алла вспылить, как Михаил встал и приник к её губам. Одновременно расстегнул на себе пальто, а следом... «Он что, считает меня девицей лёгкого поведения!» – мелькнуло в голове.

Оттолкнув парня, Алла едко произнесла:

– Не-е-т, Миша, если ты такой «любви» хочешь, ищи себе другую девушку.

И Михаил, старше её на пять лет, видимо, уже искушённый в любовных «шалостях», отступил, извиняясь:

– Алёна, я думал... Прости! – И Алла простила его.

Поверив, что она безгрешна, Михаил потом не делал попыток её соблазнить, был очень нежным и внимательным, и Алла уже через неделю влюбилась в него. Да и как было не влюбиться: высокий, стройный, черноглазый, с курчавыми волосами. К тому же остроумен, интересный собеседник.

Мать Аллы, Валентина Васильевна, восторгалась другом своей «Алёны», как в семье называли Аллу. Михаил, в свою очередь, обожал Валентину Васильевну, красавицу, и такую молодую с виду, что их с дочерью можно было принять за сестёр. Бывая у них в доме, он старался уделить ей несколько минут внимания, после чего женщина расцветала, и спешила оставить влюблённых наедине. Она, конечно, хотела счастья Алёнке и верила: нельзя быть несчастливой с таким весельчаком-красавцем, с таким обходительным молодым человеком.

Валентина Васильевна украдкой смахивала с ресниц слёзы, вспоминая своего умершего мужа, вечно угрюмого и педантичного поволжского немца Ротмана. Что она видела с ним, совсем юная, неопытная девушка? Гордыню за тевтонскую кровь в его жилах? Так коктейлем из шведской, латышской и немецкой крови, она могла гордиться и сама, хотя по паспорту и значилась русской. Как и Алла, которая, зная о своей разноплеменной крови, высокомерно считала себя выше окружающих. Только не нравилось ей, что мама переделала фамилию отца на русский манер – Ротманова. Но, раздумывая над этим вопросом, философски смирилась: всё равно рано или поздно придётся взять фамилию будущего мужа.

Мысли об институте уже улетели из головы Аллы с тем негодником ветерком, побывавшем в её комнате. Сегодня она с нетерпением ждёт своего любимого, чтобы вместе с ним на три дня уехать в деревню – познакомиться со своей будущей свекровью.

В ожидании Михаила девушка приняла душ и села в гостиной в кресло, вспоминая, как два дня назад он позвонил и сказал: «Алёна, четвёртого июля мы поедем с тобой в деревню, я представлю тебя матери как невесту. А через месяц мы поженимся. Надеюсь, не передумала?» – «Миша, конечно, нет!»

Валентина Васильевна, узнав о предложении Михаила, обрадовалась не меньше дочери.

От долгожданного звонка Аллу вихрем будто вынесло в прихожую. Она торопливо открыла дверь и увидела улыбающегося Михаила – с дипломатом в одной руке и с букетом цветов в другой.

– Привет, моя Снегурочка, – весело поздоровался он.

– Приве-е-т, – широко улыбаясь, ответила она.

Ради знакомства с матерью Михаила Алла принарядилась: приталенное летнее платье бледно-жёлтого цвета, на ногах белые босоножки, на плече – сумочка. Михаил в белой рубашке, чёрных брюках, чёрных ботинках выглядел тоже весьма элегантно.

Родительская деревня находилась в двадцати километрах от областного центра, и в половине шестого молодые уже шли по тихой зелёной улице небольшой деревеньки.

– А вот и моя родина, – улыбнулся Михаил, останавливаясь у деревянного дома.

Домик был невелик, но наряден: снаружи обит узкими дощечками «ёлочкой», окрашенными в синий цвет, на окнах белые узорчатые наличники, резное крыльцо, открытая веранда.

– Мой отец был мастером на все руки, – с грустью произнёс Михаил, заметив, что Алла любит домом. – Три года назад его насмерть сбил грузовик, когда он на остановке вышел из автобуса и начал переходить дорогу.

– Жалко твоего отца... Миш, а что это за глиняная избушка? – Алла показала глазами на невысокое сооружение напротив дома.

– Это мазанка, – улыбнулся Михаил, – в ней мы с тобой будем ночевать.

– А почему она так называется?

Добродушно усмехнувшись, Михаил пояснил:

– Мазанка происходит от слова «мазать». Эта глиняная избушка, как ты её назвала, сделана из соломы замешанной на глине, а затем глиняным раствором обмазана снаружи и изнутри.

– А там две кровати? – поинтересовалась Алла.

– А мы с тобой разве на одной не уместимся?

– Как?!.. Не-ет, – покачала она головой, – я не согласна.

– Алёнушка, – мягко произнёс Михаил, – считай, что мы с тобой уже муж и жена. Вернёмся в город и сразу подадим заявление в ЗАГС. Или ты не веришь мне?

– Почему же, верю, но всё равно...

– Алёнушка, если бы я хотел тебя обесчестить, то давно бы это сделал. – Помолчав, Михаил улыбнулся и сказал: – Алёна, о чём мы с тобой спорим? Будешь на диване в доме спать. Договорились?

– Договорились, – кивнула она.

– Отлично! А теперь пошли к моей матери, она наверняка в огороде...

Через двор, в котором одиноко хрюкал поросёнок, они вышли в огород. Мать Михаила окучивала картошку.

– Мама, – негромко произнёс Михаил.

Сухонькая женщина с седыми прядями в чёрных волосах вскинула голову.

– Мишутка! – Бросив тяпку, она поспешила к сыну. Расцеловались.

– Мам, эта красивая девушка по имени Алёна, моя невеста, – представил Аллу Михаил. Женщина окинула её пытливым взглядом:

– Какая у тебя белая невеста, и лицом, и волосами. Ты чёрный, как головешка, а она белая. Хорошо смотрите. А меня, Алёна, зови, как тебе легче: хошь, тётя Катя, хошь, Екатерина Ивановна.

– Очень приятно, – наклонила голову девушка. – Буду называть вас тётя Катя.

Путь в жилую комнату вёл через кухню. В правом углу стояла русская печь, которую Алла лишь в кино видела, у окна – небольшой стол с двумя табуретами, навесной шкаф, а сразу у входной двери, по правой стороне – рукомойник. Кухню и вторую половину дома разделяла перегородка из досок, окрашенных белой краской, дверной проём был занавешен шторой из грубого, тёмного полотна.

– Мишутка, – сказала мать, – проходи в переднюю с невестой, а я пока обедом займусь.

– Спасибо, мам, – улыбнулся Михаил. – Сегодня, так уж и быть, я буду у тебя на правах гостя, а завтра приступлю к обязанностям сына.

Он поставил на пол «дипломат», и прошёл с Аллой во вторую половину дома. Справа, у глухой стены, стояла кровать с высоким матрасом, белым кружевным покрывалом и тремя большими подушками, положенными одна на одну. Слева, вдоль перегородки, стоял диван, рядом с ним – шкаф для белья. В левом углу – телевизор, в правом, на двух полочках – иконы, лампадка, свечи... Посреди комнаты стоял стол с четырьмя стульями. «Чистенько и уютно, – подумала Алла, – и ничего лишнего». Повесив свою сумочку на спинку стула, она села на диван рядом с Михаилом.

– Алёна, садись на колени ко мне, – тихо попросил он, прижимая к себе девушку.

– Ты что? – испуганно прошептала она. – Вдруг твоя мать в комнату войдёт? Нет уж, давай сидеть порознь. – Увидев на стене увеличенную фотографию в рамке, спросила: – Миш, это твои родители?

– Да, родители, – вздохнул он. – Красивые, правда?

– Красивые. А ты, кажется, на отца больше похож.

– Ты права... – Михаил хотел ещё что-то сказать, но в этот момент из кухни его позвала мать:

– Мишутка, иди за грибочками слазь в подпол. Заодно и варенья прихвати, какое понравится.

Оставшись одна, Алла подумала: «Миша говорил, что его матери пятьдесят два года, а на вид ей дашь больше шестидесяти. Наверное, тяжело ей одной. А может, после смерти мужа постарела. Но бодрая, подвижная. Хотя будешь подвижной, работая почтальоном на три деревни. А это, как говорил Миша, надо не меньше десяти километров отшагать. И так почти каждый день. Причём и в дождь, а зимой в пургу, в морозы. Да, не позавидуешь. С другой стороны, в совхозе, наверное, ещё тяжелее работать. А ведь и там работают женщины». Вскоре появилась Екатерина Ивановна.

– Ладно, хоть письмо Мишутка догадался прислать, что приедете, – поставив на стол две тарелки с куриным супом, произнесла она. – К вашему приезду я курицу утром порешила. Сама-то я редко балуюсь мясом, всё больше овощи ем.

Скоро на столе, кроме супа, появились солёные грибы, вишнёвое варенье, зелёный лук, варёная колбаса, привезённая Михаилом из города.

– Мам, ты водочку будешь или сухое вино? – когда все сели за стол, спросил Михаил.

– А ты будто не знаешь, – улыбнулась мать. – Вашу кислятину даже мой поросёнок не станет пить.

– Понял, мам, понял. – Михаил наполнил две рюмки водкой. – Алёна, тебе тоже водочки?

– Вообще-то я сухое предпочитаю, – поморщилась Алла. – Но если тётя Катя раскритиковала его...

Улыбнувшись, Михаил и третью рюмку наполнил водкой.

– Теперь я предлагаю выпить за мой диплом о высшем образовании, – торжественно произнёс он, вставая из-за стола. – А также за то, что меня оставляют преподавателем нашего института.

Мать именинника поперхнулась.

– Неужто в институте учительствовать будешь?

– Да, мам, буду учительствовать в институте, – польщённо улыбнулся Михаил. – И не только учительствовать, но буду ещё в аспирантуре учиться, чтобы в недалёком будущем стать учёным.

– Учё-ё-ны-ы-м, – округлила глаза мать. Затем вздохнув, покачала головой. – Да, жалко, отец не дожил до этих дней, как бы он обрадовался сейчас. Был сын-хулиган, а тут вона куда вышел да ещё выше хочет идти. – Снова покачав головой, она вдруг встрепенулась и, радостно сверкнув тёмными глазами, добавила, поднимая рюмку: – Давай, Мишутка, выпьем за тебя, а отец, может, сейчас наблюдает за нами. Ну-ка, порадуем его...

За обеденным столом Алла вела себя довольно свободно, охотно отвечала на вопросы Екатерины Ивановны, интересовавшейся её планами на будущее, её родителями. Спросила также, не рано ли в восемнадцать лет замуж выходить, может, повременить годок? Михаил, поглядывая то на невесту, то на мать, прислушивался к их разговору, и улыбался.

После чая он первым встал из-за стола.

– Спасибо, мам, за ужин, всё было очень вкусно, – вежливо поклонился он. – А сейчас мы с Алёной в мазанку пойдём, я покажу ей, где каждое лето дневал и ночевал.

– Мишутка, постель я там чистую постелила, – предупредила мать. – Так что можешь хоть сейчас ложиться, если хочешь. А ты, Алёнка, в доме со мной будешь спать, или в мазанке?

Алла замялась, не зная, что сказать. За неё ответил Михаил.

– Мам, мы позднее этот вопрос обсудим. А пока немного отдохнём. Ты не обижаешься, что мы покидаем тебя?

– За что обижаться-то? За то, что вы молодые? На это не обижаются.

Сын, обняв невесту, вышел из дома, а мать подумала: «Неужто вместе станут спать? Грех-то какой без венчания. Ну и девки нонче пошли, хоть бы меня постеснялась».

Глава 2. Фотографии

Войдя в мазанку, Михаил воскликнул:

– О, запах детства! Чувствуешь, Алён?

– Чувствую, – улыбнулась она, хотя не чувствовала никакого такого запаха. И сказала себе: «Не проветренным помещением пахнет. Но если Мише хорошо, то я просто обязана поддержать его хорошее настроение».

Михаил продолжал говорить о детстве, о деревне. Алла, слушая его, оглядывалась по сторонам. Слева стояла старинная кровать с никелированными шариками на спинках, рядом – два табурета. У дальней стены – большой окованный сундук, правее – деревянный короб. Под самым потолком была протянута тонкая верёвка, видимо, для развешивания одежды. Окон в мазанке не было совсем, но для освещения на шнуре висела электрическая лампочка.

Михаил внезапно умолк и уставился на девушку, словно увидел её впервые.

– Какая ты красивая, Алёна, – восторженно произнёс он и, шагнув к ней, подхватил на руки.

– Миша, отпусти, – счастливо смеясь, задрыгала она ногами. – Ми-и-ша! Ты мне всё платье помнёшь.

Покружив с Аллой по комнате, Михаил опустил её на кровать и принялся осыпать поцелуями. Девушка запылала под шквалом этих ласк, боясь одного – потерять контроль над собой.

– Ми-и-ша, – взмолилась она слабым голосом, – прекрати, у меня голова кружится.

Но Михаил, казалось, ничего не слышал, распаяясь всё больше и больше. Девушка умолкла, то ли растерявшись от любовного натиска, то ли обдумывая, как поступить. «И до свадьбы целый месяц», – мелькнула в голове короткая, как молния, мысль. Но тут поцелуи прекратились.

– Алёна, извини, – услышала она взволнованный голос, – я слишком далеко зашёл. – Михаил пересел на табурет, повернувшись спиной к девушке.

Немного полежав, она встала и прижалась грудью к широкой спине молодого мужчины.

– Цветочек ты мой беленький, – не выдержав, ласково прошептал он, поворачиваясь лицом к ней и целуя её щёки, глаза, – цветик ты мой, ясноцветик, снегурочка моя чистая...

Алла таяла от нежных слов, будто комочек снега под палящими лучами солнца. Она вдруг поняла: если бы Миша настоял, она давно бы отдалась ему. И сейчас, непонятно почему, девушке самой захотелось предложить себя. Может, просто в благодарность за его чуткое отношение к ней.

– Миша, – плотнее прижавшись к нему, прошептала она, – я согласна быть твоей.

– Точно? – еле сдерживая волнение, тихо спросил он.

– Да.

– Алёнушка, – погладил он её по руке, – ты пока раздевайся, ложись, а я сбегаю к матери, скажу, чтобы она не ждала тебя.

Когда стемнело, влюблённые вышли на свежий воздух. Пахло свежескошенной травой и ещё чем-то для Аллы незнакомым, но очень приятным. Взявшись за руки, они дошли до края деревни и долго слушали, улыбаясь, лягушачий концерт, доносившийся с болота.

Утром влюблённые ворковали, лёжа в постели, когда мать постучала к ним и спросила, не хотят ли они парного молочка.

– Хотим! – закричал Михаил. – Сейчас, мам, приду. – Он встал с кровати, надел плавки. – Алёнушка, я сейчас.

Минуты через две вернувшись с кринкой, он сказал, едва переступив порог:

– Мама даже пуховой шалью укрыла молоко, чтобы оно побольше витаминов сохранило и было тёплым, как только что из-под козы. Пей, Алёнушка.

Взяв кринку, Алла прощebetала:

– Я ещё ни разу не пила козье молоко.

– О-о, – артистично закатил глаза Михаил, – ты многое упустила. Парное козье молоко, говорят, сравнимо по калорийности с грудным материнским. Так что пей, Снегурочка, и представляй себя младенцем.

За завтраком сидели вдвоём; Екатерина Ивановна сказала, что уже позавтракала. Сейчас она сидела на диване, и откровенно любовалась красивой парой. Заметив, что Алла смущена, не смотрит в её сторону, подумала: «Неужто она до вчерашнего дня была девочкой? Не может быть, чтобы в городе в наше время непорочные девушки в восемнадцать лет встречались. Тем более с такой внешностью». Ещё немного посидев, встала.

– Молодёжь, – сказала она, – я уж не буду вам мешать, пойду по делам. А вы ешьте, не торопитесь. Мишутка, картошку сам из печки вынешь.

Оставшись наедине с Михаилом, Алла оживилась, защебетала. Сказала, как она счастлива, как ей легко сегодня, просто душа поёт. Наверное, воздух деревенский на неё положительно подействовал. И так посмотрела на Михаила, что тому стало ясно: причина её хорошего настроения – он. И только он.

После завтрака Михаил и Алла отправились помогать Екатерине Ивановне окучивать картошку. Увидев улыбающуюся пару, она и сама улыбнулась: «Хорошую невесту Бог сыну дал, красавица и непорочная».

Спустя час она зашла в дом, прихватила свою почтовую сумку и отправилась в соседнее село.

Вскоре Алла захныкала, что натёрла мозоли и попросила рукавицы. На что Михаил заметил:

– Деревенские, Алёнушка, в огороде без рукавиц работают. Я тоже без них обхожусь. – Оглядев пузыри на её ладонях, он шутливо сказал: – Да, твоими руками не мотыгой надо махать, а меня гладить. Ну, признавайся: согласна меня обнимать вместо мотыги?

– Мишенька, конечно, согласна. Только не здесь, а в мазанке.

– Договорились. Иди в мазанку, а я скоро подойду.

Войдя в глиняную избушку, Алла сбросила с себя халат и с облегчением легла на прохладную постель. На глаза ей попала настенная полочка с книгами, которую не заметила вчера. Она встала и взяла в руки первую попавшуюся книгу. Это был потрёпанный русско-английский словарь. Открыла. Из книги выпала цветная фотография, где стоял обнажённый Михаил, а на руках у него голая, смеющаяся девушка постарше Аллы. В книге оказались ещё три фотографии и на каждой – Михаил в обнимку с разными голыми девушками. И сам полураздетый или совсем голый. Но особенно обожгла сердце Аллы третья фотография: Михаил лежал на диване, а на нём развалилась большегрудая женщина с лукавым прищуром, направленным прямо в объектив фотоаппарата. И опять же оба голые. «Ай да Ми-и-ша, – удивилась девушка, – ай да сволочь проклятая, – закипая гневом, подумала она. – А мне, гадина, говорил, что я у него единственная». Швырнув книгу с фотографиями на пол, она бросилась в дом. Быстро одевшись, вернулась в мазанку. «Нет, я не уйду отсюда, пока не выскажу ему всё, что о нём думаю».

Она села на табурет вне себя от гнева.

– Алёна, ты почему в платье? – появился на пороге улыбающийся Михаил.

Алла молча посмотрела на него зло сощуренными глазами. Улыбка сползла с его лица.

– Что случилось?

Вскочив, она ткнула ему в руки фотографии.

– На, смотри! – И оскорбительным тоном добавила: – Мишу-у-т-ка.

Помрачнев, он кинул фотографии на кровать.

– Алёна, это же было давным-давно. И давно уже больём поросло. А в народе говорят: кто старое помянет, тому глаз вон. Сейчас я объясню...

– Это кому глаз вон, мне? – перебила его Алла. – Или тебе твои вороньи глаза выцарапать?

Михаил посмотрел в её переменившееся, ставшее некрасивым, почти отталкивающим лицо и постарался смягчить голос:

– Алёна, мне не шестнадцать, а уже двадцать три года. Ну, были у меня когда-то женщины, я же не инвалид какой-нибудь, правда? Были, но познакомившись с тобой, я забыл и думать о них. Потому что до тебя никого не любил. А...

– Я тебе никогда не прощу этих женщин, – снова перебила его Алла. – И чтобы ты ни говорил мне сейчас, я всё равно буду тебя ненавидеть. И теперь ты для меня обычный дворовый кот. Всё, прощай, Мишу-у-т-ка.

Презрительно хмыкнув, она с гордо поднятой головой вышла из мазанки.

– Алёна, – растерялся Михаил, – вернись. Давай посидим, поговорим. Алёнушка.

Но она энергичным шагом удалялась в сторону автобусной остановки.

– Э-э-х! – крикнул от досады Михаил, глядя вслед своей возлюбленной. Затем покачал головой, тяжело вздохнул и прислонился широкой спиной к мазанке. «Почему я не сжёг эти злосчастные фотографии? – с горечью подумал. – Теперь вот попробуй оправдаться перед чистой, ранимой девушкой. Ничего, может, поостынет к вечеру, а завтра надо к ней приехать».

Всю дорогу домой Алла чувствовала себя оскорблённой, обворованной. Как будто вместе с девичьим целомудрием, она лишилась ещё чего-то важного. «Чего? – пыталась найти в себе ответ. – Может, вместе с целомудрием уходят какие-то другие качества? Или бред всё это?»

Она была настолько опустошена, что не хотела ни о чём думать. Но мысли сами лезли в голову, не давали покоя. И после долгих раздумий, приняла решение: «Михаил, несомненно, бабник, значит, он и потом стал бы мне изменять. Это, как я слышала, у мужчин неизлечимая болезнь, от которой они избавляются только в старости. А я что, смотрела бы, как он мне изменяет? Да я даже сейчас не могу его простить, а была бы женой, глаза бы ему выцарапала. Нет, долго бы мы с ним не прожили, разошлись: я никогда не смогла бы забыть эти фотографии. Так что всё, конец. А сейчас надо срочно найти нормального парня, забыться. А лучше бы, конечно, выйти замуж, но за честного парня, не знавшего до меня женщин. Тут бы я и Мишке, гаду, утёрла нос, и сама бы успокоилась».

Алла лежала на диване, продолжая мучить себя воспоминаниями о прошедших сутках. На дребезжащий звонок вяло подошла к входной двери, за которой стоял Михаил. Но сегодня он был невесел, стоял, будто в воду опущенный. Аллу кольнула жалость, но, переломив себя, она едко бросила:

– Мишутка, ты не на тот перрон приехал, двигай-ка дальше.

– Алёна, разреши всё-таки в квартиру войти, – тихо попросил он.

– А больше ничего не хочешь? Может, тебя ещё и в мою постель уложить?

– Ну, зачем ты так.

– Всё, Мишутка, я пришла к твёрдому убеждению, что семейной пары из нас не выйдет.

– Алёна, подожди, не горячись. Давай поговорим спокойно. – Михаил хотел было войти в прихожую, но девушка грубо толкнула его в грудь.

– Куд-да лезешь? Ну-ка м-марш назад. – Захлопнув перед его носом дверь, заперла её и пошла в свою спальню.

Постояв, Михаил решил позвонить Валентине Васильевне и попросить её как-то повлиять на дочь. Но потом раздумал, боясь, что та скажет: «Какой же ты мужчина, если любящую тебя невесту упустил?» И ещё что-нибудь в том же духе. «Да и может ли в таком случае мать

повлиять на дочь? Вряд ли: сейчас не те времена». Правда, Алле Михаил позвонил: «Алёна, я надеюсь, что ты изменишь своё решение относительно нашей женитьбы. Позвони, я буду ждать».

Но Алла сказала, как отрезала, что звонить ему никогда не будет.

Вечером у неё состоялся с матерью трудный разговор. Мать никак не могла взять в толк дочкины резоны:

– Посуди, – убеждала она дочь, – где это ты слышала, чтобы здоровый мужчина до двадцати трёх лет оставался девственником. Да и зачем ему эта девственность? Девушка совсем другое: Бог её создал так, чтобы она нераскрытым бутонем предстала перед своим супругом, окропила его капельками своей крови, как любящего мужа умывают росой.

Думаешь, почему ещё со старых времён сохранился обычай, когда на следующее утро после брачной ночи молодой муж выпивает бокал вина, а затем разбивает пустой бокал? Я полагаю, что выпитым вином он как бы утоляет любовную жажду, а разбитый бокал – это символ доставшейся ему девственности молодой жены.

– Мам...

– Ладно, не буду тебя мучить, а скажу, что у тебя было бы всё: и любовь, и счастье, и образованное окружение. Да тебе бы каждая женщина завидовала! Подумай, Алёна, и позвони Мишеньке. А ослиное упрямство никому ещё пользы не принесло. Думай, Алёна, думай, пока не поздно. К тому же ты чести уже лишилась. Но суть даже не в этом, а в том, что Михаил золотой человек. И в жизни он многого добьётся.

Алла, не перебивая, выслушала мать, а потом твёрдо заявила:

– Пусть я и упряма, как осёл, но на попятную не пойду. Всё равно мы с Михаилом потом бы разошлись. Нет, я решила – и точка. А то, что уже не девочка... ну... проживу как-нибудь.

Глава 3. Новое знакомство

Алла усиленно готовилась к вступительным экзаменам в институт. Ей хотелось доказать, что она не хуже Михаила и всех тех женщин, с которыми он знаком. Вот захочет и получит диплом о высшем образовании. И обязательно с отличием. Так-то!

Но все её труды оказались напрасны: не прошла по конкурсу. И не хватило-то всего двух баллов; Алла горько плакала. В своём провале она винила, конечно, его, Михаила. Ибо каждую минуту думала о нём, а перед глазами торчали фотографии с голыми бабами.

Валентина Васильевна терпеливо ждала, когда её дочь придёт в себя после провала. Но через три дня всё же не выдержала, спросила:

– Алёна, чем дальше думаешь заниматься?

– На хорошую работу бы устроиться, – не отрываясь от телевизора, уныло ответила дочь. – Чтобы с интересными людьми общаться.

– «На хорошую работу», – с иронией повторила Валентина Васильевна. – Без специальности и образования кто тебя возьмёт? Ученицей продавца не хочешь поработать? А потом уж и продавцом.

– Не-е, ма, – мотнула головой Алла, – продавцом не хочу. Вот секретаршей у большого начальника, с удовольствием.

– Чтобы секретаршей работать, тоже надо учиться.

– А сколько?

– Шесть месяцев.

– Ну-у, это немного совсем. А где учат на секретаршу?

– Завтра узнаю, – пообещала мать. – Так и быть, учись на секретаршу.

С конца августа Алла стала посещать курсы секретарей-машинисток. Она с удовольствием училась печатать на машинке, постигала делопроизводство. Поскольку занималась всего лишь три дня в неделю с пяти до восьми вечера, свободного времени было хоть отбавляй. И однажды, прогуливаясь субботним днём по набережной Волги, обратила внимание на молодого симпатичного блондина. Он сидел на скамье и с задумчивой улыбкой смотрел в даль. Сердце Аллы учащённо забилося. «Хорошо бы с ним познакомиться, – подумала она, – славный. На Есенина и лицом, и причёской смахивает».

Остановившись перед ним и доверчиво улыбнувшись, спросила:

– Извините, можно я с вами посижу?

Парень оторвался от созерцания заволжских далей, взглянул на Аллу. Что уж он подумал, увидев очаровательную блондинку в нарядном приталенном платье да с шикарной косой на высокой груди, неизвестно, но отозвался приветливо:

– Конечно! Я буду рад.

Алла села на скамейку и вновь спросила:

– Я вас не отвлекла от каких-нибудь тайных мыслей?

– Не-е-т, что вы. Правда, мысли у меня были. И мысли хорошие: час назад я узнал, что зачислен на заочный факультет финансово-экономического института.

– Поздравляю, – поспешила сказать Алла и с грустью добавила: – Я тоже поступала, но не добрала два балла.

– Не огорчайтесь, у вас всё впереди.

Так они разговорились. И Алла, точно старому знакомому, доверительно призналась:

– Мне обязательно хотелось поступить в этом году. Кстати, а почему вы на заочный поступали?

Молодой человек тоже не поскупился на откровенность.

– Во-первых, на заочный легче, – ответил он. – Во-вторых, меня и так уже родители обували-одевали, пока я в строительном техникуме учился до армии. Правда, была ещё причина для поступления в заочный институт: не хотелось бросать работу, которая мне нравится. К тому же есть возможность квартиру получить. Я ведь пришёл в строительную организацию по направлению, причём до армии. – Он улыбнулся: – Но чтобы получить квартиру, жениться надо.

«Уж не намекает ли мне этот разговорчивый блондин, что готов со мной подружиться? – подумала Алла. – Кажется, у него нет девушки. А парень-то ничего-о». Ей захотелось спросить: «У вас есть невеста?», но задала другой вопрос:

– А вы кем работаете?

– Мастером, – с гордостью ответил он. – Строим в городе тёплые кирпичные дома.

– Хм, я живу в панельном доме, но квартира у нас тоже тёплая, – с некоей обидой заметила Алла. – Почему вы считаете, что в кирпичных домах теплее?

– Многие так говорят, – смутился юноша, услышав обиду в голосе незнакомки. Но понимая, что она ждёт конкретный ответ, продолжил: – Дело в том, что в кирпичных домах нет щелей. Я имею в виду стены. А в панельных порой некачественно промазываются стыки. Вообще-то, всё это я знаю с чужих слов, так как сам живу в деревне. Поэтому не знаю, в каких домах теплее – в панельных или кирпичных. У нас, например, дома всегда тепло: газом отапливаемся. Холодно – прибавил температуру, жарко – убавил. И никаких проблем.

– Так вы в деревне живёте? – удивилась Алла.

– Да. Километров пять вниз по Волге. Вас как зовут? – неожиданно спросил он.

– Алёна, – слегка растерявшись, ответила она.

– А меня Денис, по фамилии Кириллов. Может, в кафе-мороженое зайдём?

– С удовольствием.

Денис встал, стряхнул невидимые пылинки со своих светлых брюк, поправил у ремня клетчатую рубашку. Алла оценивающе смотрела на нового знакомого. «И рост у него хороший, и фигура спортивная».

В тот день Алла многое узнала о Денисе Кириллове, о многом догадалась. Она поняла, что Денис уверенный в себе человек, но не хвастун. Понравилась его непосредственность: когда они проходили мимо двух подземных сооружений с буквами «М» и «Ж» над входом, он вдруг остановился и непринуждённо сказал: «Алёна, извини, я в туалет зайду». Хотелось в туалет и ей, но стеснялась в этом признаться. И едва он исчез за дверью, как она сиганула в другую дверь и ухитрилась выйти из неё раньше, чем он.

Случайная встреча молодых людей затянулась в итоге до вечера. Проводив Аллу до дома, Денис назначил ей свидание на вторник.

Валентина Васильевна сразу заметила сияющие глаза дочери, как только та появилась в гостиной.

– Алёна, уж не влюбилась ли ты?

– Да, мам, влюбилась. – Алла с ходу плюхнулась на диван. – Это тако-о-й парень, такой парень!

Она принялась рассказывать о Денисе, о его родителях.

Мать молча выслушала её, потом спросила, скорбно сдвинув свои тонкие, подведённые брови:

– Уж не собираешься ли ты за этого парня замуж?

– Если он предложит, соглашусь.

– М-да-а, – покачала головой Валентина Васильевна. – Значит, досадить Михаилу хочешь? Назло ему за первого попавшегося выскочить?

– Мам, почему назло? – обиделась Алла. – Вот увидишь Дениса, сама скажешь, что он насколько не хуже Михаила.

– Нет, Алёна, – не сдавалась мать, – с Михаилом я ни одного парня не поставлю рядом. Он не только красив, но и умён, интеллигентен, эрудирован. Да одно слово – переводчик! Сама ведь недавно не могла на него надышаться, а сейчас с грязью его смешать готова. А из-за чего? Из-за того, что он уже не мальчик? Поддалась минутной неприязни? А надо бы прислушаться к трезвому голосу. Да и материнским советом воспользоваться бы не грех. Ну, миримся с Мишенькой? – ласково спросила она.

– Мам, не обижайся на меня, пожалуйста, – кротко проговорила Алла, – но дай мне возможность самой всё решить. – Она подошла к матери и, сев к ней на колени, обняла её. – Мамулечка, ну войди в моё положение, пойми меня правильно. – Она стала ластиться к матери, целовать её.

– Хватит меня облизывать, – шутливо прикрикнула на неё мать. – Иди-ка лучше займись делом.

– Ладно, пошла конспекты по делопроизводству зубрить.

Вернувшись вечером домой, Денис объявил родителям:

– Наверное, я скоро на городской девушке женюсь. А то надоело из деревни на работу в город ездить. Особенно осенью, по грязи, или зимой, по сугробам.

Родители, похоже, не ожидали от сына таких новостей.

– Денис, – хмуро произнёс Ананий Фёдорович, – я хоть и израненный с фронта пришёл, но не инвалид, вон какие хоромы с матерью построили, – он обвёл вокруг рукой. – Вдобавок пристрой каменный соорудили. Зачем? Мы с матерью надеялись, что ты с нами будешь жить. А ему, видишь ли, в тягость деревня: и сугробы тут, и грязь... Настояшься в очередях за продуктами в этих городах, а тут своё всё.

– Пап, когда я начал работать в строительном управлении, то сразу вас предупредил, что мне обещают дать квартиру. Не сразу, но дадут. Поэтому зачем мне в деревне дом?

Ананий Фёдорович больше ничего не сказал, потянулся к пачке «Беломора». В разговор вступила мать, моложавая русоволосая женщина, с округлыми формами:

– Квартиру в городе неплохо иметь, это каждому ясно. Там и ванная...

– Ванная! – не дослушав до конца супругу, вспылил муж. – А у нас собственная баня в огороде, разве её сравнить с ванной?

– Пап, так мне что, отказываться от квартиры, когда её предложат? – нарочито спокойно спросил Денис.

Сделав глубокую затяжку и пустив вверх колечками дым, отец изрёк:

– Отказываться не надо. А в каком месте могут дать квартиру, далеко отсюда?

– В том-то и суть, что близко! – с жаром ответил сын. – Наш трест сейчас ведёт застройку домов на берегу Волги, это не больше трёх километров от нас.

– Ну-у, это другое дело, тогда мы с матерью пешком к тебе ходить будем. Эх, – огорчённо крикнул отец, – зачем в таком раёзе мы пристрой к дому делали? Кирпичный двор, понятно, в дело. Но с пристроем-то зачем кочевряжились?

Денис попробовал успокоить отца:

– Пап, да чего там, считай, мы с тобой просто разминались, чтобы всегда в форме быть.

Отец насупился:

– Хм, разминались... Тебе, может, это была разминка, а у меня уже возраст не тот, чтобы так разминаться в пятьдесят шесть лет. Ну да ладно. Мать, поищи-ка там в загашнике четвертинку, есть повод выпить, да поговорить.

– Когда надо, ты всегда найдёшь повод, – беззлобно проворчала Елизавета Порфирьевна, удаляясь из кухни.

За то короткое время, пока жена накрывала на стол, Ананию Фёдоровичу вспомнился приснившийся ему третьего дня сон, который никак не шёл у него из головы. Будто бы сын, ещё

маленький, влез на берёзу возле дома, а спуститься не может. Ананий за ним полез по стволу, а Дениска от него всё выше и выше, как неразумный котёнок. Как достать парнишку? И вот она, разгадка: уходит сын в свою жизнь, не достать его, не догнать. И в институт поступил, и квартиру на работе обещают.

Ананий в сны верит, они штука серьёзная, не раз убеждался, что сбываются. Если бы не относиться к снам халатно, много неприятностей можно было избежать. Ведь будто кто предупреждает во сне человека о будущем событии или опасности. Кто и зачем это делает – давно увлекает бывшего фронтовика. Неужто, кроме Бога, есть и другие силы небесные? Даже подумать страшно Ананию о своей догадке, не только вслух сказать. С сыном не поговоришь на эту тему: молод больно, другое в голове. Остаётся Гаврилыч, немой сосед, с которым с помощью карандаша и бумаги иногда душу отводишь, как месяц назад, когда они возле дома на лавке закат «женатым» квасом встречали.

Гаврилыч сидел с фляжкой кваса в руке. Ананий, заметив, что после каждого глотка у соседа начинают подозрительно поблескивать глаза, сказал, лукаво прищурясь:

– Гаврилыч, плесни-ка и мне в бокальчик пару буль-булек. Не ради чего, а для остроты ощущений. Чего скупердяйничаете? А друг ещё называется. Если так будешь себя вести, хрен попадёшь в рай. Давай-давай, не жадничай.

Стыдливо опустив голову, семидесятилетний дед торопливо вытащил из штанов фляжку и плеснул в бокал соседа пару «булек».

– Во-о, это уже другая песня, – глотнув «женатого» кваса, довольно произнёс Ананий Фёдорович. – Теперь расскажу тебе, по твоей письменной просьбе, про сны. Я же с юности бабкин сонник девятнадцатого века читал. Теперь-то всё какую-то ерунду печатают.

Значит, лет эдак пятнадцать тому назад я работал прорабом на стройке, и однажды оказался по своей доброте душевной в СИЗО. Да ты помнишь, наверное, уже жил в нашей деревне. Правда, в деталях я даже тебе не рассказывал. Так вот, разрешил я нашему каменщику загрузить со строящегося дома машину обломков кирпича. Конечно, каменщик не дурак, набросал в машину и целого. Но, думаю, не много, за ним бригадир присматривал, чтобы лишнего не брал. Совсем скоро меня вызывают в милицию, а оттуда цап-царап и на нары. И в первую же ночь снится мне сон, будто хожу я по коридорам какого-то здания, в руке держу сумку, а в сумке – две бутылки с водкой. Через какое-то время смотрю: из бутылок водка исчезла. С одной бутылкой ясно – горлышко отколото оказалось, водка, значит, и вытекла. Но другая бутылка целёхонька, а водки нет. «Куда же она могла деться-то? – думаю. – Странно».

Просыпаюсь и начинаю этот сон разгадывать. А водка, зараза, скажу я тебе, всегда мне снилась к обвинению. Здесь же была и сплыла. Думаю: обвиняемых нас двое – бригадир и я. Но бригадир на воле, хотя и против него уголовное дело завели, как на соучастника. То есть две бутылки водки, которые мне приснились, это два наших дела. В то же время у одной бутылки горлышко отколото, получается, что с одного человека обвинение снимут. И снимут, ясное дело, с того, кто на воле. Из другой бутылки водка тоже исчезла, но почему сама бутылка закупоренной осталась? Значит, и с меня обвинение снимут, но не полностью. Ладно, думаю, главное то, что основное обвинение снимут и освободят.

Два месяца до суда я в СИЗО парился. И дали мне вместо обещанных нескольких лет колонии – один год исправительно-трудовых работ. Да, забыл, Гаврилыч, один нюансик досказать. После этого сна мне ещё один вещий сон приснился, вроде как дополнение к первому. Вижу я себя в форме младшего лейтенанта авиации, хотя к авиации никогда никаким боком. Стал я и этот сон толковать, допёр, в конце концов. Думаю, дадут мне год, так как одна звёздочка на погоне была и один просвет, но просвет голубой, а это небо, свобода, значит, буду дома после суда. В итоге всё так и оказалось – сбывся сон.

Вот так-то, Гаврилыч. Я, конечно, не великий толкователь снов, но они мне в жизни помогали. А в тюрьме из-за этих снов сокамерники покоя не давали, бывало, даже ночью будили. Я

ругаюсь, а мне: «Фёдорыч, до утра забуду сон». Что делать? Честно всем предсказывал по снам, что ждёт их впереди. А перспектива в основном ждала их неважная. От судьбы, как говорится, не уйдёшь, за чужую спину не спрячешься. В то же время ничего хорошего нет, когда умеешь разгадывать сны, особенно если это плохой сон. Иной раз места себе не находишь.

А хорошие сны, Гаврилыч, предсказывать приятно. Вот как-то подсел ко мне в камере парень и рассказывает, что видел себя во сне в солдатской форме. Я сразу: «Погоны какого цвета?» Тот: «Голубые». – «А ты в каких войсках служил?» – «В пехоте». – «А лычек на погонах не было или звёздочек?» – «Ничего не было». Случилось это со вторника на среду. А у меня вещие сны на среду или на пятницу обычно сбывались на следующий день, иногда через несколько дней. Я пареньку и говорю: «Скоро будешь дома». Тот: «Как?» – и шары на лоб. Вокруг нас сразу скучились – в камере несколько десятков голов было. Я объясняю: голубые погоны – это голубое небо, свобода. Большинство, конечно, не верит: как так, статья до семи лет и вдруг домой? Но дня через три у него состоялся суд и... освободили того парня прямо в зале суда, а его подельников отправили по этапу. Вот это был фурор среди сокамерников, когда поняли: сон сбылся. После этого зауважали меня в камере, самый вкусным куском не обходили.

Ананий Фёдорович сделал короткую паузу и, глядя на немного соседа, снова продолжил разговор:

– Кто же таким вот образом предупреждает нас? Кто посылает нам вещие сны? – И перешёл на шёпот: – Они... Оттуда... Или их умные машины передают нам.

Гаврилыч вдруг выпучил глаза и стал что-то писать на листочке бумаги, потом сунул написанное в руку друга.

– Ну, ты скажешь тоже, – прочитав, сказал Ананий, – в газетах про то не пишут. Выдумки.

Ананий промолчал тогда, что спрашивать со старика, мозги уже, наверное, разжижаются в этом возрасте. У самого голова кругом идёт, когда начинаешь думать о сегодняшней жизни человека. Будто и правда кто диктует, как жить, куда ступить, что думать. Каждому разное, да ещё эксперименты над судьбой проводят. Говно человек, а его в институт, потом в начальники, а хорошего, как Гаврилыча, – в ассенизаторы. Прояви-ка терпение, поубирай-ка то говно за начальником. А может, так и надо?..

Тут жена позвала за накрытый деревенскими разносолами стол, в центре которого красовалась поллитровка чистейшего самогона.

– Ну, мать, ты что-то раздобрилась у нас сегодня, – расцвёл в улыбке Ананий.

Дожидаясь, когда жена наполнит рюмки, отец повернулся к сыну.

– Про женитьбу ты заикнулся. Если это всерьёз, рассказал бы про свою будущую жену. Сколько ей лет? Кто она?

– Ей восемнадцать исполнилось, – начал Денис. – Учится на курсах секретарей-машинисток.

– Ну, возраст самый подходящий: в этом возрасте девки ещё не испорченные.

– Что ты имеешь в виду? – поворотилась к мужу жена. – Жизнью не испорченные или чем?..

– Конечно, «чем!» – весело сверкнув глазами, бросил Ананий Фёдорович. – Именно тем, чем девок портят. А насчёт серьёзной жизни: какая жизнь до восемнадцати лет? Куклы да школа. Хотя и среди школьниц есть такие, что... Эксперимент только начинается.

Денис не понял, что за эксперимент, и поспешил поднять рюмку, чтобы прервать родительское остроумие. Он ещё не знал женщин, и мальчишески краснел, когда слышал слишком вольные рассуждения о них.

Глава 4. Смотрины

В субботу Алла пригласила Дениса к себе домой – познакомить его с матерью. Девушке не терпелось узнать, понравится он ей или нет.

Денис, как и обещал, пришёл в два часа дня. Дверь ему открыла Алла – в белой маечке и белых, плотно обтягивающих брюках.

– Дениска, проходи в зал, – пригласила она, – я тебе чаю принесу.

Глядя вслед девушке, Денис восхитился про себя: «Ну и фигуу-рка! А груди – под пла-тьем-то они казались меньше. И попа тоже, ого-го. Как отец говорит про такие: «Эх, попа, как орех, так и просится на грех».

Догадавшись по поведению Аллы, что её матери дома нет, Денис смело прошёл в гости-ную. Прямо перед собой он увидел две двери, ведущие в разные спальни. Справа, вдоль стены, стояла матированная стенка с антресолями, по другой стороне – диван с ковром над ним, в пра-вом дальнем углу – два кресла с журнальным столиком и в левом – цветной телевизор. Допол-няли убранство гостиной бело-зелёные шторы, хрустальная люстра, на полу – зелёный шерстя-ной палас, разрисованный неброскими светлыми цветами.

Денис подивился столь богатому, по его меркам, жилью. К тому же он обратил внимание, что в прихожей и коридорчике, ведущем на кухню, стены отделаны коричневой кожей, кроме этого в прихожей трюмо и фирменная вешалка. «Что значит, главбухом управления торговли работает», – садясь на диван, подумал он о матери Аллы.

– Дениска, может, телевизор включить? – вернувшись в гостиную с подносом в руках, спросила Алла.

– Не надо, телевизор я и дома посмотрю.

Они пили чай с галетами и говорили о лете, так быстро пролетевшем, о скорых дождях и слякоти. Последнее Дениса особенно волновало, и он попенял, что опять скоро придётся вме-сто ботинок натягивать кирзачи. На что девушка сказала, что в плохую погоду он может у них пожить. И тут Денис предложил Алле... стать его женой. Девушка смутилась: она не ожидала подобного заявления. «Ещё в любви не объяснился, а уже руку и сердце предлагает». Но более всего её пугало то, что он может спросить: «Алёна, скажи честно, у тебя был до меня муж-чина?» А что ответить? «Бы-ы-л, скажу, случа-а-йно отдалась». Нет, надо самой ему во всём признаться. Признаюсь, и гора с плеч, а он пусть решает. Если полюбил – простит».

Отодвинув от дивана столик с пустыми бокалами, Алла села Денису на колени.

– Дениска, – задушевым голосом спросила она, – ты мне серьёзно предлагаешь стать твоей женой?

– Конечно, серьёзно. Своим родителям я уже сказал, что скоро женюсь, они согласны. А ты согласна?

Помявшись, Алла неуверенно ответила:

– Ты знаешь, это как-то неожиданно для меня, я думала, мы несколько месяцев подру-жим, проверим свои чувства, а потом...

– Нет, скажи не потом, а сейчас, – настаивал Денис. – Ты согласна выйти за меня замуж? А чувства... чего их проверять? Это в книгах пишут про чувства да любовь, а в жизни всё проще. Ну чего молчишь?

– Дениска, прежде чем ответить, я сначала тебе задам вопрос. Скажи: у тебя была до меня девушка?

Денис пожал плечами:

– Была девчонка в восьмом классе, а когда я поступил в техникум, наши дороги разо-шлись. В техникуме же некогда было влюбляться: во-первых, учёба, во-вторых, гитарой много

занимался, а кроме этого играл в вокально-инструментальном ансамбле. А в армии девушки только снятся.

Ёрзая на коленях у Дениса, Алла привела его в возбуждение.

– Алёна, – без смущения сказал он – ты зря на мои жёсткие колени села. Чуешь, что под тобой творится?

– Чую, Дениска; не знаю только, что делать.

– А ты встань, я брюки поправлю, потом опять сядешь.

Алла нехотя поднялась. «У Дениса наверняка были женщины, – с уверенностью подумала она. – Ведёт себя так, как будто уже спал со мной».

Поправив брюки, Денис потянул Аллу за руку.

– Садись, только не боком, а лицом.

Алла села.

– Дениска, ты спал с женщиной? Только скажи правду.

– У меня не было ни одной женщины, – честно признался он. – А у тебя был кто-то?

– Денис, у меня было один раз, тоже честно тебе говорю. Всего один раз! И в тот же день поругалась с тем парнем, теперь я ненавижу его.

После затянувшейся паузы Денис тяжело вздохнул и заговорил, опустив глаза:

– Да, Алёна, а я совсем на другое рассчитывал. Сколько у моих армейских дружков было разговоров на эту тему. Кому-то попадались невинные девочки, а кому-то... О, в армии эту тему обмусоливают со всех сторон. А я краснел, если ко мне обращались: «Денис, а ты чего молчишь? Давай, расскажи, как у тебя на этом фронте?» Однажды стал врать, но меня опытные пацаны на смех подняли. «Да ты что, – смеются, – слышал звон, да не знаешь, где он». Денис вдруг нежно прижал к себе девушку.

– Алёнушка, давай договоримся, что у тебя якобы не было ничего серьёзного с парнями. Хорошо? Я и родителям так скажу, и всем остальным, кто спросит. У нас ведь деревня. Ну, договорились?

– Дениска, спасибо тебе, – ткнувшись лбом в его грудь, прошептала Алла, – я всегда буду помнить твоё благородство. И за это буду любить тебя ещё сильнее. – Из её глаз сначала закапали, а следом буквально хлынул поток слезинок.

Денис растрогался.

– Алёнушка, хватит плакать. Подними голову, улыбнись. И скажи, наконец: ты выйдешь за меня замуж?

Держа девушку за гибкую талию, Денис почувствовал, как в нём снова забурлила сила. И Алла это почувствовала, подумала: «Значит, любит». И на радостях выпалила:

– Дениска, я люблю тебя!

– Пойдёшь за меня?

– Хоть сегодня твоей стану.

Денис, похоже, обрадовался, что ему сегодня придётся делать то, о чём давно мечтал.

– Тогда поехали ко мне, а твоей матери записку оставим.

Алла мотнула головой:

– Нет, маму надо дожидаться. А пока давай ещё чаю попьём.

Валентина Васильевна пришла через полчаса. Поздоровавшись с гостем и бегло оглядев его, подумала: «Внешне он не похож на русского, скорее на прибалта смахивает. И с Алёной они на самом деле похожи».

Денис, увидев вошедшую женщину в элегантном платье цвета морской волны, с разбросанными по плечам светлыми волосами, от удивления чуть рот не открыл: «Неужели это мать? Какая красота-а. Она хоть и старше, а красивее Алёны: глаза небесного цвета, фигура».

Убедившись, что это всё-таки мать Аллы, Денис смутился. И долго не мог преодолеть скованность, не зная, о чём говорить.

Чай продолжили пить втроём. Во время чаепития Денис всего боялся: шумно отхлебнуть из бокала, пролить на скатерть... И мечтал лишь, как бы поскорее отсюда сбежать. Тем более Валентина Васильевна, сидя напротив, молча и бесцеремонно разглядывала его. Молчала и Алла.

Пауза излишне затянулась. Убедившись, что хвалёный Денис уступал Михаилу, Валентина Васильевна ради приличия задала ему несколько дежурных вопросов. Как он относится к Алёне? Нравится ли ему его работа? Трудно ли было поступать в институт?

Послушав их вялый разговор, Алла вдруг радостно выпалила:

– Мам, а мы с Дениской пожениться решили.

– Как это... Уже?

– Что «уже»? – Алла переглянулись с Денисом. – Если хочешь знать, мы с ним уже со среды муж и жена.

Несколько секунд мать смотрела на дочь округлившимися глазами, потом резко поднялась.

– Ну и чёрт с вами, оставайтесь мужем и женой. – И решительным шагом направилась в спальню. «Всё, всё напрасно! Растила, терпела душевные муки с её отцом, а она... с деревенщиной решила свою жизнь связать», – шептала, кусая губы.

Обескураженный Денис проводил её долгим взглядом, потом повернулся к Алле:

– Зачем ты обманула мать?

– А! – махнула она рукой. – Зато теперь нам палки в колёса ставить не будет. Дени-и-сушка, – садясь к нему на колени, ласково прошептала она, – я же для тебя старалась. Ты обиделся? Нет? Ну и хорошо. А сейчас к тебе поедем; только к матери на минутку заскочу.

Через некоторое время она вышла из материнской спальни и, радостно подпрыгнув, шепнула новоявленному жениху:

– Поехали.

Деревня Луговая живописно раскинулась на высоком волжском берегу. Грунтовая дорога, деля её на две стороны, спускалась к Волге.

– Зимой, – рассказывал Денис, – когда река замерзает, по этому спуску возят сено из заволжских лугов. Возят его в основном на лошадях. Сено принадлежит совхозу, а частники со своих делянок перевозят его летом в лодках.

Показав Алле заволжские луга и видневшиеся небольшие озёрки, Денис повёл её по улице к своему дому.

Дом Кирилловых, огороженный забором из проволочной сетки, стоял в окружении плодовых деревьев и кустарников. Молодые люди прошли сначала в сад, где среди яблонь пряталось небольшое открытое сооружение под крышей.

– Это наша летняя чаёвня, – пошутил Денис. Затем указал на смотровую площадку на крыше дома: – А оттуда я разглядываю в бинокль отдыхающих за Волгой и на палубах проходящих мимо теплоходов.

И сад, и летняя «чаёвня», и смотровая площадка привели Аллу в восторг. Она непроизвольно сравнила скромный домик, и огород Мишиной матери с этим большим домом и удивилась, как по-разному люди живут.

В просторной кухне Аллу порадовали чистота и порядок. Она подивилась и современному кухонному гарнитуру, газовой плите: «Совсем как в городе». Налево вела застеклённая дверь. Денис скрылся за ней, до этого сказав:

– Отец обещал в три часа вернуться. Наверное, они с матерью помылись в бане и отдыхают.

Вскоре из второй половины дома донёсся негромкий женский голос, невнятные слова, а вслед за этим вошли улыбающиеся Денис с отцом и заметно смущённая женщина – мать

Дениса. Увидев обворожительную блондинку в белых обтягивающих брюках, белой маечке и с косой на груди, родители Дениса невольно залюбовались ею.

Алла не могла не заметить этого.

– Добрый день, – поклонившись, тихо произнесла она.

Елизавета Порфирьевна тоже поклонилась:

– Добрый день.

После короткого знакомства, Ананий Фёдорович восторженно выдохнул:

– Вот это кра-а-ля.

– Пап, – осуждающе посмотрел на него Денис, – подбирай выражения.

– Извини, сынок, извини, – пробормотал отец. – Но ты меня ошарашил своей невестой. Хотя предупредил бы загодя, что она такая... – Ананий Фёдорович шагнул к Алле и, взяв своей загрубевшей рукой её руку, приложился к ней губами.

– Прощу простить орденосца-фронтовика, – с чувством произнёс он. – К тому же я старый строитель, а они народ зубастый. Да ещё и горластый.

– Пап, – мягко перебил его Денис, – Алёне, думаешь, это интересно?

– А я чего? Я ничего, – смутился-таки Ананий Фёдорович, виновато разводя руками.

– Дениска, – с укором произнесла Алла, – ты напрасно думаешь, что мне не интересно слушать твоего отца. Мне, наоборот, такие мужчины очень нравятся. Они честные, искренние и беззлые.

– Во-о, сын, – поднял палец Ананий Фёдорович. – Слышал, чего Алёнка говорит? А она ведь абсолютно права, хотя и молодая.

– Нет, я не лыщу вам, Ананий Фёдорович, – повернулась к нему Алла, – сразу ведь людей видно, какие они: добрые или злые. Вот вы, например, очень добрые с Елизаветой Порфирьевной, по вам сразу видно.

Родители Дениса польщённо переглянулись.

– Спасибо за добрые слова, Алёнка, – поклонился ей в пояс глава семейства. – Ты с сегодняшнего дня в нашей семье будешь любимой дочерью. Рад, Дениска, что повезло тебе с невестой. Дай вам Бог счастья. А мать наша, Елизавета Порфирьевна, думаю, меня поддержит в этом.

– Поддержу, поддержу, – поспешила заверить женщина. – Я тоже заранее вам желаю счастья. – Она, как и её муж, поклонилась в пояс сначала Алле, потом сыну. – А тебе, Алёнка, большущее спасибо за добрые слова о нас.

– Алёнка, – ласково обратился к ней Ананий Фёдорович, – извини меня, конечно, но судя по твоей скромности, ты, верно, в Бога веришь. Или я ошибаюсь?

– Я тоже извиняюсь перед вами, Ананий Фёдорович, но вы ошибаетесь. Я ещё не созрела для этого.

– Всему своё время. Но лично моё мнение такое: кто верит в Бога, тому легче жить. Например, верующий что-то сделал плохое, даже очень плохое, но помолился и очистил душу. А неверующий после тяжкого деяния ходит с камнем в душе, мучается. Верующий ко всем трудным периодам жизни относится философски, невзгоды принимает с поклоном: «Значит, Богу так угодно». Неверующий в подобных ситуациях начинает паниковать, бросаться в крайности, часто не выдерживает, ломается. Вера в Бога – это благо. Ведь почти каждый из нас любит сказки, потому что у них хороший конец. Пусть сначала главному герою тяжело, но потом у него всё складывается на ять. А всё оттого, что наш герой правильный, честный. А поглубже копнуть – живёт по заповедям божьим. Так и в жизни. Не делал дурного ближнему, не гневил Бога? Ступай в рай. Ну а грешникам, ясное дело, ад уготован. Алёнка, что ты обо всём этом думаешь?

– Ананий Фёдорович, извините, пожалуйста, ещё раз, но эта тема для меня – тёмный лес.

– Эта тема для большинства тёмный лес. А уж для вас, молодых... Кстати, Алёнка, почему считается, что грех думать о другом человеке плохо? Отвечу. Плохие мысли как на верёвочке ведут к таким же поступкам, тянут в мир зла. Ладно, заговорил я тебя совсем. Проходите-ка лучше с Дениской в переднюю. А мы с матерью пока стол организуем.

Денис провёл Аллу в большую комнату (гостиная по-городскому), и она снова удивилась: и её размерами – не менее тридцати квадратных метров, и уютом, идеальной чистотой. В комнате стоял сервант, диван, платяной шкаф, стол с шестью стульями, цветной телевизор, на двух окнах висели тюлевые занавески и ночные шторы, стены оклеены обоями. Из передней застеклённая дверь вела в спальню. «Наверное, у Дениски тоже уютно в комнате, – подумала Алла. – И как это Елизавета Порфирьевна успевает везде? И в совхозе работает (пусть зоотехником), скотину держит, в огороде порядок. А внешне не сказать, что она усталая, измученная работой. И пятьдесят четыре года ей никак не дашь».

Вскоре на столе появились салаты из свежих огурцов, помидоров, картошка с малосольными огурцами. Елизавета Порфирьевна раздобыла где-то бутылку водки. «Это для вас, молодые, – сказала она, – а мы с отцом лучше самогоночки».

Ананий Фёдорович сел за стол раньше жены, шутливо её поторапливая: «Давай-ка, мать, пошустрее, не томи душу». Затем повернулся к Алле, чтобы продолжить прерванный разговор, уж больно задел за живое её ответ, что не созрела она до веры в Господа. Не то, чтобы Ананий сам верил в Бога, нет, просто была у него в характере необходимость – доискиваться до всего непонятного, спорного. Пытливый ум, не отшлифованный научным подходом, сам искал ответы, на которые, похоже, так никогда и не сможет ответить человеческий разум.

– ... Нельзя говорить против Бога, это примерно то же самое, что в своё время критиковать режим Сталина. Нельзя нарушать старые устои. Они веками складывались. Станет человек своими сомнениями делиться с одним, другим, и начнёт любая вера давать трещины. Кстати, даже сами слова «религия», «Бог» действуют на человека как змея на кроля. Почему? Испокон века со всех сторон нас подталкивают к Богу. И верующая мать, бабушка, когда с их уст слетали слова вроде: «Господи, сохрани и помилуй нас!» Потом они же, мать или бабушка, берут тебя за руку и ведут в церковь. И если в детстве ты ходил туда несколько раз, считай, уже загипнотизирован религией, ты овца божья в человеческом стаде.

Пунцовая от смущения Алла слушала Анания Фёдоровича и кивала головой. К счастью для неё, вскоре началось застолье. Алла впервые в жизни выпила целых три рюмки водки. Денис – на две больше, считая это рекордом для себя. Его родители опустошили бутылку самогона. И ничего: ни у кого в глазах не было пьяного тумана, светились только радость и веселье. Потом Денис взял гитару и запел. И опять Алла пришла в восторг: у Дениса оказался превосходный голос.

Словом, жених был что надо, хотелось поскорей и окончательно связать с ним свою судьбу.

Спев вчетвером несколько песен, вышли из-за стола. Влюбленные тут же удалились на улицу, подальше от родительских глаз. В кирпичный пристрой вернулись уже не через кухню, а в другую дверь, прямо из сада. «Хорошо! – восторгалась девушка. – Не надо лишний раз тревожить родителей Дениса».

Оказавшись в уютной комнате, где кроме кровати, стояли письменный стол и этажерка с книгами, Алла вдруг почувствовала в себе такое волнение, какого не испытывала в памятной мазанке. Лицо её вспыхнуло, в теле появилась слабость, а сердце забилося так часто и громко, что казалось, и Денис слышит это биение.

Денис тоже не на шутку разволновался. Он знал, что через несколько минут случится то, о чём давно мечтал. И то, что миг этот близится, страшило его. Как на грех в голове всплыло воспоминание о прошлой его мужской неудаче.

Это случилось на втором курсе техникума, ему – почти семнадцать, а девушке Симе, слывшей девицей весьма лёгкого поведения – шестнадцать. Он пошёл провожать её после танцев; и в тёмном подъезде двухэтажного дома она позволила делать с собой всё, что заблагорассудится. Но к чему он стремился, так и не получилось – неопытность подвела. С тех пор Денис сторонился девушек: было боязно опозориться ещё раз. И Алле, конечно, он правду сказал: женщин у него не было.

Вспомнив вдруг тот постыдный случай для себя, Денис посмотрел на Аллу.

– Ты помнишь, что обещала сегодня? – выдавил он с трудом.

Алла в смущении отвернулась.

– Или забыла?

– Почему, помню. – Она коротко посмотрела на него, заливаясь краской.

Денис помолчал и, сам не зная отчего, бросил:

– Что же, оставайся здесь, а я пойду в дом спать. – Он направился к двери, когда Алла окликнула его:

– Денис!

Он остановился; Алла кинулась к нему и, обняв за шею, стала осыпать поцелуями:

– Дениска, я люблю тебя. Мой милый, любимый, – лепетала она между поцелуями.

Денис сбросил с себя одежду, затем стал раздевать девушку, а та жалась к нему, будто испуганный ребёнок.

Наконец, положив её на кровать, Денис прилёг над ней. Она лежала с закрытыми глазами, прерывисто дыша. Привстав, Денис окинул взглядом всю её фигуру – плечи, груди, живот. Алла ждала, он это видел и чувствовал. И, не сомневаясь в успехе, решился...

Через несколько минут раздался громкий стон Дениса и его восхищённый голос:

– Алён, мне понравилось. А тебе?

– Дениска, мне тоже с тобой понравилось, – как можно ласковее ответила она.

Поднявшись оба с кровати, Денис посмотрел на смущённую девушку и нежно прижал её к себе.

– Алёнушка, будем считать, что у тебя ни с кем ничего не было до этого. Первым у тебя был я. Поняла?

– Денисушка, любимый, конечно, поняла. И всем буду говорить, кто спросит, что ты у меня первый и последний. – Алла вдруг вопросительно посмотрела на него и с тоской в голосе добавила: – Помыться бы... под душиком.

– Да, душа нет, – с сожалением вздохнул Денис. – Хотя погоди-ка, ведь баня наверняка ещё не остыла. Пошли в баню?

– Пошли. Я ещё ни разу в деревенской бане не была.

– Надень мой старенький халат и за мной.

В бане Денис как бы со стороны посмотрел на Аллу, с нежностью огладил глазами все выпуклости на её теле, невольно залюбовался толстой косой, спускающейся ниже живота. Налюбовавшись, молча обнял девушку и аккуратно уложил её на пол. Она не сопротивлялась.

Этот вечер для возлюбленных прошёл, как говорится, без сучка и задоринки. Отрицательным моментом была банная заноза в Алёнушкиной попе, да и ту Денис с удовольствием удалил зубами.

Утро они встретили в объятиях друг друга. И Алла опять чувствовала себя счастливой: новые ощущения и впечатления затмили всё остальное, кажется, даже Михаила.

Глава 5. Свадьба

В середине сентября влюблённые подали заявление в ЗАГС. А в ближайшую субботу Денис остался ночевать в квартире будущей тёщи, которая всё ещё не одобряла выбор дочери. Но... делать нечего, пришлось смириться.

В воскресенье Алла познакомила Дениса со своей лучшей подругой, обаятельной шатенкой Таней. Судя по заинтересованному блеску её зелёных глаз, по оживлённому шушуканью с Аллой, Денис понял, что понравился девушке.

«А она тоже ничего, – пригляделся он к подруге своей невесты. – Стройная, и всё при ней». Но, познакомившись вскоре со старшей сестрой Аллы Викторией, Денис обомлел: подобной красавицы он даже в кино не видел.

Двадцать три года, инженер-экономист, ростом и роскошными формами она походила на мать. Движения её были плавными, голос нежный, воркующий; кожа шелковистая. Белокорые волосы, в отличие от материнских, спускались с головы мелкими волнами, окутывая её холёные плечи. А глаза-а. Денис только сейчас понял смысл выражения: в эти глаза нырнуть хочется. «Эти глаза напротив, чайного цвета...», – пел Валерий Ободзинский. У Вики глаза не чайного цвета, а тёмно-голубые, «смотрящие» на висок. «Удивительная женщина, – думал он. – И почему она замуж вышла за такого замухрышку? – перевёл он взгляд на её мужа Владимира, невысокого, толстого, рыжеволосого, с заплывшими глазками неопределённого цвета. – Он и старше её, кажется, намного. Неверное, из-за того, что высокую должность занимает».

В первые минуты знакомства с Викой Денис чувствовал себя скованно. Но она настолько непринуждённо себя вела – шутила, смеялась, что он вскоре почувствовал себя в доме своим. А когда взял в руки гитару и запел, Вика восхищёнными глазами смотрела на него, хлопая по окончании каждой песни в ладоши.

– Bravo! – улыбаясь, выкрикивала она. – Молодец, Дениска!

Виктория уговорила будущих молодожёнов остаться у них на ночь, постелив им на софе в гостиной. Ладушку, так ласково она называла четырёхлетнюю дочь, они с мужем забрали с собой в спальню.

Обнявшись с Аллой, Денис и в постели продолжал про себя восторгаться красотой Виктории. Представлял её лучистую улыбку, волнующие сердце глаза, нежный голос, когда она сказала ему перед сном: «Спокойной ночи, Денисушка, хороших тебе снов, мой маленький». Правда, и Алле она пожелала спокойной ночи, при этом поцеловав её. «Меня бы поцеловала, – с подавленным вздохом подумал Денис. – Ну, хотя бы в шутку. – Страхивая наваждение, он поцеловал Аллу, которая плотно прижалась к нему. – Алёнушка у меня тоже красавица».

Через неделю Ананий Фёдорович, Елизавета Порфирьевна, их старший сын Иван с супругой и Денис приехали к Ротмановым сватать Аллу. Гостей ждали невеста с матерью и Виктория с мужем. Правда, сватовства, каким обычно его представляют, не было, просто решали, где проводить свадьбу, и что покупать для стола. Играть свадьбу договорились в деревне, на чём настоял глава семейства Кирилловых.

– Дом у нас большой, места всем хватит, – рассуждал он. – И народу с нашей стороны больше, в основном из деревни. Да и не принято по нашим обычаям свадьбу у невесты проводить.

Валентина Васильевна согласилась с ним.

– Насчёт солений, грибочков там разных тоже можно не беспокоиться, – вступила в разговор Елизавета Порфирьевна. – И картошку, другие овощи мы тоже берём на себя. А уж разных там деликатесов, к примеру, апельсинов или колбаски копчёной, давайте думать.

Выпив водочки и закусив «деликатесом» – апельсинами и копчёной колбасой, часа через два все вопросы утрясли. Алла с Денисом тут же покинули квартиру, а вскоре и сваты, попрощавшись с Валентиной Васильевной, Викторией и её толстяком мужем, отбыли восвояси.

Выйдя из подъезда, Ананий Фёдорович сказал, щурясь в улыбке:

– Да-а, у них вся семья как будто не от мира сего, что старшая сестра Алёны, что их мать. Поэтому я всегда говорю, что мы разные: кто-то из нас замешан на молоке, а кто-то – на ржавой воде.

– Точно, – подняв светлые брови, согласился Иван: – эти бабёнки наверняка замешаны на молоке, причём на хорошем. Белые, сладкие, значит, и в детстве питались хорошо.

– Да уж, наверно, не крапиву с лебедой лóпали, а получше что-нибудь, – вдруг вспылила худая, невзрачная жена Ивана. – Гладкие все три, как будто сёстры-погодки. И фамилия у них... не выговоришь, чёрт знает...

– Не кипятись, Клавдья, – приструнил её муж. – Что ты фыркаешь? По-твоему, и чужих баб похвалить нельзя? Чай, я не про что-то такое говорю, а просто свою будущую родню с отцом обсуждаю. Подумаешь, фамилия. Была их, станет наша.

– Тоже мне, нашёл родню. Смотри, только попробуй на свадьбе к ним приставать, я тебе брилы-то поотбиваю.

– Дык не у тебя же гулять-то будем, а у Дениски с Алёной, – пошутил Иван.

– Дык, дык, – передразнила его Клава. – Я тебя ещё раз предупреждаю, что по загревку схлопочешь, если что...

– Цыц, Клавка! – гаркнул на неё Ананий Фёдорович. – Ты что к мужику-то прицепилась? Нам что, помечтать, что ли, нельзя? Э-э, сорнячное вы племя, – недовольно махнул он рукой, – так и норовите нашей кровушки попить. – И, вытащив из кармана папиросы со спичками, пробурчал: – Да, если ума на грош, а упрямством весь зад напичкан, не жди...

– Вы бы об Алёнке лучше поговорили, – улыбаясь, перебила мужа Елизавета Порфирьевна, – а то повернули оглобли невесть куда.

– Ты права, мать – согласно кивнул Ананий Фёдорович. И шутиливо хлопнув её по округлому заду, добавил: – Они хороши, но и мы им, пожалуй, не уступим. А?

– Нашёл с кем сравнивать, – добродушно усмехнулась «мать», – у них совсем другая жизнь, без наших деревенских вил и граблей.

– Родители, – снова вмешался в разговор Иван, – а вы не обратили внимания, что Алёнка на Дениса похожа, как будто они брат с сестрой?

– Ка-а-к это не обратили, – протянул Ананий Фёдорович. – С ходу обратили, как только они у нас на пороге вперво́й появились.

Пока Кирилловы шли до автобусной остановки, а потом стояли на ней, они успели поговорить и о Денисе с Аллой, и о предстоящей свадьбе, и о том, кого приглашать.

Уговорив сына и сноху поехать к ним на ночь в деревню, Ананий Фёдорович совсем повеселел. Он надеялся, что жена расщедритя, и выставит ради гостей первосортной самогонки.

– Не дашь, Лизавета, пойду к своей должнице Кúрдиной. «Кирпич на кирпич, – скажу ей, – а где, бабка, магарыч?»

Усмехнувшись, Елизавета Порфирьевна пообещала:

– Ладно, выдам, но не больше бутылки.

На Покров день у дома виновников торжества стоял гул: молодожёнов из ЗАГСа ждали не только гости, но и человек тридцать жителей Луговой. Некоторые ещё раньше успели повидать невесту и судачили меж собой: «Ай да Дени-и-с, какую красавицу в городе подцепил. Не зря учился в техникуме, а в этом году и в институт экзамены сдал. Она, небось, тоже в институте учится». Наконец подъехали три легковые машины – две «Волги» и «Жигули». Из первой чинно вышли молодые со свидетелями.

При появлении молодожёнов гул среди толпы возрос. Но когда из второй «Волги» вышла Валентина Васильевна в чёрном вечернем платье, а следом за ней Виктория в серебристом из парчи (пальто обе оставили в машине), гул упал, зашелестел шёпот: «Кто это, кто это?» Стоящий в общей толпе Иван Кириллов удовлетворил любопытство, мол, это тёща Дениса со старшей дочерью. «О-о-о, – послышалось из десятков ртов, – каки-и-е... Да они, знать, и невесты краше. Да-а... Но в блестящем платье особо хороша́». На других прибывших внимания не обратили. Правда, на мужа Виктории одна женщина кивнула:

– А ентот что за квадратно-гнездовой мужичок? Нюрка, ты у нас холостая, можа, возьмишь его к себе на ночь? Хоть пузáми померяетесь – у кого больше, всё одно он к тебе ни сзадугу, ни спереду не пристроится. Да и «челнок» у него, поди, не больше поросычьего. – Раздался дружный смех.

Свадебное действо разворачивалось как по писаному. Родители жениха встретили молодожёнов хлебом-солью, и после шутиwego: «Кто больше откусит, тот и хозяином в семье будет», Денис взял молодую жену на руки и понёс в дом. За ними последовали родители, свидетели и приглашённые.

Гости много пили гранёными стаканами, пели и плясали под гармонь до десяти вечера. Причём не только в доме, но и в коридоре, а то и на улице. Ночевали молодые в родительском доме Дениса. Валентина Васильевна, три пары её знакомых и Виктория с мужем уехали на двух «Волгах».

На следующий день свадьба забурлила вновь. Мать и сестра невесты были доставлены на «Жигулях» в новых платьях. Курившие на улице мужики, увидев их, даже сигареты и самокрутки покидали. А когда женщины вошли в коридор, один из них, лет пятидесяти, сказал, почесав затылок:

– Эх, дали бы мне на комбайн помощником в уборочную вон ту, что постарше. Ох, и пошуршали бы с ней на зерне.

– Никанорыч, а зачем до уборочной-то ждaть? – отозвался другой. – Иван Кириллов говорил мне, что она вдова, попробуй сегодня. На сеновале, к примеру, не хуже, чем на зерне, а даже лучше: зерно не насыплется куда не надо.

– Петрович, а на сеновале мышь может заскочить, – пошутил кто-то с крыльца.

– Хе, так это даже лучше, – весело отпарировал Петрович, – баба под тобой шибче зашевелится.

Все заготовали.

– Никанорыч, а молодую-то не хошь, сдрейфил? – снова спросили с крыльца.

– Не-е, та, пожалуй, не по зубам мне будет. Иша задушит своими волосишами. Да и походка у её больно извилиста, выскользнет...

Тут появился на крыльце Ананий Фёдорович, гаркнув:

– Мужики, кончай перекур! Айда все в дом...

В это утро Денису предстояло перед всеми назвать Валентину Васильевну «мамой». Выдавил он это слово с трудом и смутился. Да и женщина почему-то опешила, что случилось с ней редко. Кстати, старший зять обращался к ней по имени-отчеству. Алла же назвала родителей Дениса «папой» и «мамой» вчера, перед этим вручив им по традиции подарки. Преподнесла подарки брату Дениса и его крёстному с крёстной, а самому Денису подарила рубашку, в которой он и красовался.

Денис через силу назвал Валентину Васильевну «мамой», но зато, выпив рюмку водки, лихо разбил её об пол. Многие за столом одобрительно захлопали в ладоши, а одна гостья, лукаво усмехнувшись, спросила:

– Рюмку-то смело разбил, а вот молодка-то не подвела ли? Кто-нибудь проверял ихнюю постель?

Не ожидая такого поворота дела, молодожёны покраснели. Выручил Ананий Фёдорович. Он встал из-за стола и, посмотрев в упор на любопытную, серьёзно сказал:

– Вы уж простите меня, товарищи дорогие, но мы с Елизаветой Порфирьевной слышали ещё до свадьбы ночной крик невесты, а наутро видели их простыню. Так что жена Дениске попала самая что ни на есть честная. Ну, – победоносным взглядом окинул он гостей, – утешил я ваше любопытство?

– Уте-е-шил, – протянула женщина, задавая нескромный вопрос.

– То-то у меня, – сел на своё место Ананий Фёдорович, – а то шмон в наших штанах хотели навести. Это вам не у Параньки за столом, где каждый может пёр... – Последовало неприличное слово и тут же взрыв хохота. Деревенские своих знали.

После безобидного инцидента веселье возобновилось. А вскоре молодую жену подвергли испытаниям, проверив, хорошо ли она «подметаёт», бросая мелкие монеты не только ей в ноги, но и под столы, расставленные буквой П. Алла старалась вовсю, собрав всё до монетки.

– Молодец, старательная девка, – похвалили её женщины. А одна добавила: – Не гляди, что городская, а под столом лазит, как заправская крестьянка. Да и зад у ей, как у справной хозяйшки.

Веселье продолжалось до двух часов дня. После чего молодые попрощались с гостями, отдельно с Валентиной Васильевной и, закрывшись в пристрое, предались любовным утехам на вполне законных основаниях.

Понедельник у Дениса был выходной – взял административный. Положив в чемодан необходимые на первое время вещи, Денис собрался покинуть отчий дом, до этого объяснив родителям, что будет жить у Ротмановых в городе.

– Вы уж не забывайте нас, – напутствовала молодых Елизавета Порфирьевна, – почаще приезжайте.

– Да, дорогие мои ребятишки, езды тут совсем ничего, поэтому по субботам будем ждать вас, – добавил Ананий Фёдорович. – Да и банька у нас на славу. Алёнка, ты не парилась в нашей бане?

– Нет, Ананий Фёд... извините, папа, – покраснев, поправилась невестка.

– Алёнка, – ласково улыбнулся свёкор, – у нас в деревне не принято родителей называть на «вы», так что изволь говорить нам «ты». Мы с матерью не каких-то там княжеских кровей, а из простого рода. Договорились?

– Договорились, пап, – робко ответила невестка.

– Вот и хорошо, вот и чудненько. А теперь присядем на дорожку да послушаем, что нам будет шептать на уши домовый. Ведь для чего присаживаются перед дорогой? Во-первых, для того, чтобы подумать, а вдруг чего-то забыл взять? Во-вторых, как говорится, послушать доброе напутствие своего домового, который в каждом добром доме имеется.

– И в городе тоже? – удивилась Алла.

– И в городах тоже водятся, а как же? Только под разными личинами, – заулыбался Ананий Фёдорович.

Глава 6. Неприязнь. «Котище»

С первого дня проживания у тёщи Денис почувствовал необъяснимую враждебность с её стороны. Когда они сели втроём ужинать, Валентина Васильевна уже через минуту встала из-за стола и раздражённо бросила:

– Фу, Денис, ты чавкаешь, как деревенский боров, – и вихрем вылетела из кухни.

Поперхнувшись от неожиданности, Денис удивлённо посмотрел на жену:

– Алёна, разве я чавкаю? У меня и привычки такой нет.

Алла, удивлённая не меньше его, сказала успокаивающе:

– Не обращай внимания: мать просто не в духе, наверное, устала от свадебной суеты.

И вообще – мама у нас с характером.

Она, конечно, понимала, в чём дело: мать заиклилась на Михаиле и считала, что Денис для дочери не пара.

Выслушав жену, Денис подумал: «Да, моя тёща с характером. Но и у меня характера хватит, посмотрим: кто кого. Пока что сохраним дистанцию: ты можешь треснуть от злости, но „мамой“ я тебя называть не буду».

Алла ежедневно утром и вечером принимала душ.

– Лично ты, – сказала она Денису, – по утрам можешь душ не принимать, но перед сном обязательно. – И кокетливо улыбнувшись, добавила: – И после этого... тоже.

Именно из-за душа Денис в первый же день дважды получил нагоняй от Валентины Васильевны. В десять вечера, вслед за женой, он принял душ. Надел халат, открыл дверь и нос к носу столкнулся с тещей.

– Ты почему так много воды наплескал на пол? – недовольно спросила она. – Неужели нельзя поаккуратнее?

– Да я... вроде аккуратно мылся, – растерялся Денис. – Но до меня Алёна мылась, может, это она?

– На Алёну решил свалить, – с насмешкой улыбнулась тёща. – Ладно, иди, но в следующий раз, чтобы такой грязи не было.

В начале двенадцатого ночи Денис вновь пошёл в ванную; аккуратно помылся, надел халат и, едва открыв дверь, увидел тещу в халатике нараспашку. «Вот это да-а, – открыл он рот. – Такие здоровенные титьки, а торчат, как у молодой. А волос-то там...»

Небрежно запахнув халат, тёща снова накинулась на зятя:

– Ты почему дверь за собой не запираешь? А если бы я совсем голая была? Я ведь живу в собственной квартире, могу позволить себе всё, что вздумается.

– Я думал, время уже позднее, – пробормотал Денис.

Валентина Васильевна укоризненно покачала головой и, отступив на полшага в сторону, пропустила растерянного зятя.

Денис жил у Ротмановых пятый месяц, но отношения с тещей продолжали оставаться натянутыми. Может, поэтому и с Аллой не всегда ладилось. Она между тем во второй половине февраля закончила курсы секретарей-машинисток, а спустя неделю уже работала на винзаводе. Устроилась туда с помощью знакомых матери.

Директор завода находился в отпуске, и Аллу принимал главный инженер Самсон Юлианович Охалкин, временно исполняющий обязанности директора. Это был коренастый мужчина лет под сорок, с тёмными волнистыми волосами, зачёсанными назад, крупным ртом с полными губами... Алла вошла к нему в кабинет в чёрном пальто с беличьим воротником, в беличьей шапке, в коротких зимних сапожках.

Охалкин (за глаза его многие заводчане называли охальник) сразу обратил внимание на её длинную толстую косу и большие серые глаза. «А какие губки! – мысленно восхитился он. – Так-так-так, милая девочка».

После знакомства, он спросил:

– Вы замужем?

– Да, – ответила Алла.

– Не подумал бы, на вид вам больше семнадцати не дашь. Вы что, в шестнадцать лет выскочили?

– Обижаете, – нахмурилась Алла, – мне девятнадцать скоро исполнится.

«Обиделась, – подумал Охалкин. – В этом возрасте всем девчонкам хочется казаться старше, а потом всё наоборот».

Они поговорили об условиях работы и на следующий день, Алла заняла письменный стол в приёмной директора.

С тех пор прошло более двух месяцев, и всё это время главный инженер не спускал с Аллы глаз. Очаровавшись ею в первый же день, он все силы употребил на то, чтобы рано или поздно услышать от неё единственное слово: «Согласна». Свои отношения с молодой женщиной, он построил не как начальник с подчинённой, а как старший товарищ с младшим. Опытный ловелас не торопил события, ему сначала хотелось войти в её душу, а потом... всё остальное.

Обеденные перерывы Алла частенько проводила у него в кабинете. Старший «товарищ» угощал её хорошим вином и, как бы в шутку, целовал сначала в щёчку, потом в губы.

«Я не виноват, – оправдывался он, – твои сочные губки сами притянули меня». Алла смущалась, но всё же шутила: «Ищите незамужнюю женщину с такими губами. И чтобы по возрасту вам подходила». А однажды прямо заявила, хотя и игривым голосом: «Самсон Юлианович, вы же в отцы мне годитесь!» Он не обиделся, а с определённым смыслом сказал: «Не думаю, Алёнушка, не думаю...»

Так мало-помалу они сближались, и Алла уже не видела в главном инженере «отца». Хотя и любовником не представляла тоже.

Однажды, уже в мае, Денис попросил у жены «сделать» ему через знакомых больничный лист. «Всего на три денёчка! – умолял он. – Соседи в деревне просят двор сложить из кирпича, мы с отцом за три дня его сделаем».

Алла, в очередной раз поссорившись с мужем из-за какой-то ерунды, не разговаривала с ним, но услышав про обещанную сумму, процедила сквозь зубы, что подумает, к кому можно обратиться с этим вопросом, и подумала о Самсоне Юлиановиче. «Отношения у нас с ним хорошие, попрошу, он сделает, знакомые врачи у него наверняка есть».

И действительно, уже на следующий день Самсон Юлианович сказал:

– Алёна, завтра к восьми утра Денис пусть зайдёт в поликлинику.

У Самсона был свой резон помочь с больничным Денису. «Пора, пора с этой девочкой переходить на интимные „рельсы“, – подумал он». Для этой цели он и задумал удалить мужа от Аллы хотя бы на несколько дней. Да и возможность представилась как нельзя кстати.

Самсон позвонил в поликлинику своей бывшей любовнице, врачу-терапевту, изложил ей суть вопроса. И за обещанный подарок та выполнила просьбу.

В конце рабочего дня главный инженер вызвал к себе секретаршу.

– Алёна, – сказал он, – я звонил в поликлинику, и мой знакомый врач сообщил, что твоего мужа в стационар отправили. Оказывается, у Дениса-то диарея. Что это вдруг? – Он вопросительно посмотрел на Аллу. «Теперь, думаю, ты не будешь нервничать и рваться домой. А то чуть что, сразу: «Самсон Юлианович, отвезите меня домой, а то муж сцену ревности устроит».

Алла улыбнулась:

– Самсон Юлианович, нет у Дениса никакой диареи. Он мне звонил и сказал, что ляпнул, не подумав про эту самую диарею, вот его и положили в стационар. Ничего, пусть полежит, может, поумнеет немного.

«Ага, – сказал сам себе Самсон, – значит, не всё гладко между вами. Это мне на пользу». И предложил юной секретарше:

– Ну, поскольку мужа дома нет, давай посидим сегодня подольше. Хорошего вина выпьем, побеседуем. К тому же я столик уже накрыл.

– Давайте посидим.

Потягивая из бокала ароматное вино, Алла непринуждённо прошептала:

– Самсон Юлианович, а на чём вы меня до дома сегодня повезёте? Что-то вашего «Москвича» я у конторы не видела.

– Мой «Москвич» на территории завода стоит, – ответил главный инженер. – Так что не волнуйся, Алёнушка, отвезу. И даже на руках отнести могу в случае необходимости.

– Ну, это совсем лишнее, – улыбнулась Алла. – И необходимости такой не будет, Самсон Юлианович, уверяю вас. А посидеть, пообщаться с вами, это я с удовольствием. Мне, кстати, всегда интересно находиться с вами, слушать вас.

– Ну, спасибо, – наклонил черноволосую голову Самсон.

– Нет, на самом деле, я от каждой беседы с вами получаю очень много полезного. От зрелых, опытных людей, да с высшим образованием, многое оседает в голове.

– Милая Алёнушка, знаний надо набираться не только у опытных людей, но и в учебных заведениях. Вот ты хочешь понять, в чём смысл жизни. А для этого тебе надо получить хотя бы минимум специальных знаний. Никакие умные рассуждения не накормят человека, а хорошая, нужная обществу профессия – это кусок хлеба с маслом как сегодня, так и в будущем. Вот ты в институт не поступила, так для начала хотя бы финансовый техникум закончи. Ты бухгалтером мечтала стать? Вот и дерзай. А я тебе помогу.

Видя, как Алла, затаив дыхание смотрит на него, внимательно слушая, главный на секунду умолк. – Хочу обрадовать тебя, Алёнушка... – Он улыбнулся, скользнув карими глазами по её грудям. – В этом году я устрою тебя в финансовый техникум. Почему «устрою»? Да просто тебя зачислят в техникум и всё. Чтобы без нервотрёпок, без переживаний. А год проучишься, переведём тебя на должность бухгалтера: будешь теорию с практикой соединять. Согласна?

Алла радостно ответила:

– О чём вы спрашиваете, конечно, согласна.

– А вообще-то я думаю, – загадочно улыбнулся Самсон, – что не пройдёт и года, как ты уже бухгалтером у нас будешь работать. За твоё счастливое будущее. – Он поднял бокал: – Пьем до дна.

Алла кокетливо посмотрела на свой до половины наполненный бокал, на главного инженера и, картинно зажмурив глаза, выпила. Закусив шоколадом, дважды взмахнула пушистыми ресницами, улыбнулась. И улыбнулась не как прежде. В её глазах появилась нежность и даже, как показалось бывалому ловцу женских симпатий, приглашение к обоюдной ласке. Он поднялся с дивана, включил магнитофон, и пригласил Аллу на танец.

– Ой, Самсон Юлианович, я обожаю танцы, не один год занималась в танцевальном кружке.

Опытный «кот» подумал: «Кажется, лёд тронулся, девочка сама идёт в лапки».

В танце соблазнитель то и дело прижимал к себе партнёршу. А на последнем музыкальном аккорде, шутливо положил её спиной на диван. Правда, тут же и поднял, сказав:

– Извини, Алёна, но ты закружила меня.

– Самсон Юлианович, вы сами кого угодно закружите, – в ответ проворковала Алла. – А танго вообще танцуете на «пять». – Одарив далеко не юного кавалера улыбкой, она подошла к окну, открыла форточку. Помахала ладошкой себе на лицо.

Не садясь, они выпили ещё, после чего Самсон включил медленный танец.

В обнимку они стали медленно покачиваться на одном месте. Самсон вдруг поцеловал Аллу в шею и остановился. Что она скажет? Она ничего не сказала, лишь плотнее прижалась к нему. Ему хотелось сейчас же раздеть её, кинуть на диван. Но он заставил себя не спешить; медленно переставляя ноги под музыку, взял бутылку, пополнил бокалы. Один из них подал Алле, другой пригубил сам. После нескольких глотков оба оживились. В глазах у Аллы появился блеск, лицо покраснелось.

«Почти готова, – подумал Самсон. – Ещё немного, и ты будешь моей». Он ещё крепче прижал её к себе, круговыми движениями поглаживая бёдра. Алле было стыдно, но приятно. В то же время казалось, что это сон – и такой сон, который снился первый раз в жизни. Она решила досмотреть захватывающий сон до конца. Чем он закончится? Самсон вдруг повернул её к себе спиной – она не противилась. Даже тогда, когда положил свою ладонь на её животик, Алла замерла в ожидании: что же будет дальше? Но Самсон и сейчас не спешил, наслаждаясь смущением партнёрши. «Это сон, волшебный сон», – беззвучно прошептала она.

Незнакомое желание одолевало её. «Неужели это не сон, и я готова изменить? – в растерянности думала она. – Наверное, это вино». И в этот момент Самсон поднял её на руки и положил на диван. Глаза сами собой закрылись, она почувствовала, что платье поднято до груди. Ей было стыдно лежать в таком виде, но не могла сделать ни одного движения – тело обмякло.

Самсон быстро обнажился, окинул взглядом лежащую перед ним «жертву». Полностью раздеть Аллу он решил чуть позднее, а пока... Он видел, как она напряглась.

Прикосновение его губ к открытому животу оказалось для неё неожиданно восхитительным чувством.

– О-о... – протяжно застонала она. Было на удивление приятно; единственное, что смущало, это мысли о грехе, о бесстыдстве, о неверности.

– Самсон Юлианович, – пробормотала она, заикаясь от волнения, – не надо. Я не хочу изменять, отпустите... Денис верит мне.

Но язык говорил одно, а мысли нашёптывали совсем другое. И ни в каких оправданиях не нуждалась душа, жаждающая продолжения сладких мук.

Неожиданно Самсон встал и начал одеваться. Алла открыла глаза – на лице начальника читалась обида.

– Извини, Алёна, я был не прав.

Она растерялась. Продолжая лежать, лихорадочно соображала: «Может, он хочет разыграть меня? Нет, видно, всерьёз обиделся».

Самсон уже оделся, Алла тоже встала. Натянув трусики, одёрнула платье, сунула ноги в туфли и подошла к окну, не зная, что делать дальше. «А вдруг он меня и до дома не повезёт? Придётся до остановки пешком топтать, автобуса ждать, а в автобусах сейчас народу битком». Она с тоской посмотрела на Самсона, и увидела на его лице улыбку. Он подошёл к ней и прижал к себе. От крепкого объятия, от того, как Самсон поцеловал её, у Аллы перехватило дыхание. Появилось желание снова лечь на диван.

– Алёнушка, ты не обиделась на меня?

– Нет! – мотнула она головой.

– Алёна, я никогда никого не принуждаю: в таком деле нужно обоюдное желание. Без этого... – Он не договорил, схватил её за плечи и, наклонившись, стал осыпать поцелуями её нежные груди.

Алла обмирала от наслаждения и ждала момента, когда он снова уложит её на диван. К её огорчению, до этого дело не дошло.

Перед тем, как покинуть кабинет, он спросил:

– Алёна, ты поняла хоть, что я не душегуб и больше не буду тебя неволить?

– Да, – поспешила ответить она.

– Ну и вот, как только изъявишь желание, я к твоим услугам. А вообще... если не захочешь, я на тебя не обижусь. Только скажи об этом честно. Скажи сейчас, чтобы я не рассчитывал на тебя. Уверяю, ты мне очень нравишься, и я мечтаю с тобой встречаться.

Самсон умолк, вопросительно глядя на Аллу, а она готова была броситься ему в ноги, целовать его руки от умиления. Её душа пела, кричала: «Самсон Юлианович, зачем ждать? Я сейчас на всё согласна». Ещё мгновение – и она вцепилась бы в него, повалила на себя. Но он повернулся и направился к двери.

Дома Алла весь вечер была в возбуждённом состоянии. Она не могла успокоиться, готова была, вопреки здравому смыслу, сорваться и ехать на квартиру к своему начальнику.

На завтра молодая жена планировала навестить в больнице мужа, но пока думать об этом не хотелось. В мыслях у неё жил один Самсон, только Самсон и... диван. Она ждала продолжения той волшебной сказки, которую сама же, по глупости прервала на самом интересном месте. Засыпая, не вспомнила ни про финансовый техникум, ни про обещанную ей в скором времени должность. Все её мысли были направлены совсем в другую сторону.

Глава 7. Согласна

Проснувшись, Алла приняла душ, заплела косу. На душе было смутно. Все вчерашние волнения и тревоги за ночь прошли, но не забылись: ведь сегодня она встретится с Самсоном. Как посмотрят они друг на друга, что скажут? Выглядела она, как всегда, прекрасно. Цвет лица свежий, глаза сияют. Она надела серое приталенное платье, такого же цвета туфли, кинула на плечо ремешок сумочки.

На дворе её встретило солнечное утро, весенняя зелень на деревьях отливала малахитом. Оглушал хор воробьёв.

На работе Алла сидела, словно на иголках. Ей хотелось сразу же, как только увидит главного инженера, намекнуть ему на своё согласие. Но намекнуть тонко, остроумно. Однако ничего остроумного в голову не приходило. Она улыбалась посетителям, с кем-то перебрывалась незначительными фразами, мысленно проигрывая предстоящую встречу с главным инженером.

Тот вошёл в приёмную хмурый, довольно прохладно поздоровался, и Алла невольно втянула голову в плечи. Самсон ещё трижды проходил мимо неё, но ни разу даже не посмотрел в её сторону. И в обеденный перерыв к себе не пригласил.

«Испортила я ему настроение, – мучилась она столь откровенным пренебрежением. – С какой теперь физиономией к нему заходить? Здрасьти, я ваша новая любовница. Вызывали? Нет? А когда вызовете? Не знаете? Ну, ладно, я пошла. Как захотите меня, я туточки. Я так хочу с вами полежать, так хочу, даже давление поднялось. У вас ничего не поднялось? Жаль. Что же мне делать, надо хоть таблеточку проглотить, авось, поможет. Вашу бы „таблеточку“, ту, которая сильно возбуждает, а давление снижает». Алла прыснула от смеха. Хорошо хоть в приёмной не было никого. После этого настроение улучшилось, а на душе появилась лёгкость. «Сегодня всё будет хорошо, – с уверенностью подумала, – чует моё сердце».

Предчувствие не обмануло Аллу: Самсон вовсе не охладел к ней, а просто вёл свою игру. Предстала она сегодня перед ним очень соблазнительной – загадочный взгляд, многообещающая улыбка. «Вот сегодня она готова».

За десять минут до окончания работы он сказал ей по телефону, чтобы в семнадцать ноль-ноль зашла к нему. Сказал официальным голосом. И ровно в назначенное время она вошла в его кабинет, робко остановившись у порога.

Самсон уже готов был официальным тоном начать разговор, но в эту же секунду передумал – пожалел её. Она выглядела настолько обворожительной и в то же время так робка, неуверенна, что мужчина дрогнул. Он запер за её спиной дверь и, повернувшись, крепко прижал к себе молодую женщину.

– Алёнушка, я не узнаю тебя сегодня, ты настоящее совершенство, – с восхищением произнёс он, поласкав языком её мочку уха. – Весь день только о тебе и думаю, – продолжал он, касаясь губами её шеи, груди. – Значит, ты согласна?

– Согласна, – не помедлив ни секунды, ответила она.

– Тогда выпьем по этому поводу. – Самсон подвёл её к дивану. – Надеюсь, вино тебе понравится.

Он достал из шкафа графин с тёмно-красным вином, два бокала, вазу с конфетами. Поставив всё это на стол, наполнил бокалы.

– Чувствуешь аромат? – спросил, подавая один из бокалов.

– Да. А густое какое, – удивилась она, отхлебнув два глоточка.

– Эти вина, Алёна, не для простых людей: таких в магазине не бывает.

Она небольшими глоточками опустошила бокал. Самсон хотел было подлить ещё, посидеть. Но заметил, что Алла прячет глаза, и почти уже не владеет собой. Он молча обнял её, поцеловал. Затем опустился перед ней на колени...

Алла словно в полусне следила за каждым его движением. Немного погодя Самсон торопливо разделся, взял её на руки и перенёс на разложенный кожаный диван. Вскоре она непроизвольно застонала от незнакомых, ни с чем несравнимых ощущений. «Что это?» – радуясь и пугаясь, подумала. А в следующее мгновение горячо задышала, бёдра сами пришли в движение; это продолжалось несколько минут.

Самсон, чтобы продлить наслаждение не торопился. В то же время дивился тому, что Алла всё ещё далека от всплеска. «Да сколько же ей надо?!» Наконец она напряглась, впившись ногтями в его голую спину, её глаза округлились и почти со страхом остановились на его лице. «Началось, – радостно подумал Самсон. – Оказывается, она ещё не испытывала женского счастья. Удивительно, но психологически она до сих пор остаётся девушкой: её муж так и не смог пробудить в ней женщину, эта честь досталась мне».

Алла была охвачена незнакомой ей сладкой судорогой, которая гнула и ломала всё тело. В какой-то момент, часто дыша, она невидящим взглядом уставилась на Самсона, шевельнула губами, по-видимому, желая что-то сказать, но не смогла. Потом враз обмякла, закрыла глаза, и минуты две-три лежала неподвижно, не скрывая благодарных слёз, крупными каплями сбегавших из-под ресниц. «Темпераментная будет любовница, – глядя на неё, подумал Самсон.

Но вот молодая женщина подняла вверх мокрые глаза, доверчиво улыбнулась:

– Самсон, – слабым, хрипловатым голосом произнесла она. И замолчала.

– Что, Алёнка?

– Можно я буду называть тебя на «ты»?

– Ну конечно! На «вы» в постели даже с генералом не разговаривают.

В этот вечер Алла ещё раз ощутила высшую степень наслаждения, в момент которого не отдавала отчёта своим действиям.

После её весьма неординарного поведения, Самсон лежал на спине и с удовлетворением думал: «Молодец девочка, без комплексов. А с мужем ей, наверное, не очень комфортно: целых семь месяцев вместе прожили, а она „деревом“ осталась. Но замуж, небось, шла в надежде утолить бьющую изнутри энергию, поласкаться вдоволь».

После того как оба привели себя в порядок, Самсон задал неожиданный для Аллы вопрос:

– Алёна, у тебя резус-фактор крови положительный или отрицательный?

– Отрицательный, третья группа крови, – ответила она. А почему это тебя интересует?

– О-о! – воскликнул Самсон. – У нас с тобой полное совпадение. У меня как раз и резус отрицательный, и группа крови третья. А у Дениса какой резус?

– У него положительный, а группа крови вторая, – всё ещё недоумевая, ответила Алла.

– Поэтому ты и не могла от него столько времени забеременеть, – констатировал Самсон. – У моих знакомых тоже резус-фактор не совпадал, так женщина три года ребёнка ждала, но так и не дождалась. А от меня с первого раза забеременела. Вот так-то, моя девочка. И никакая больница тебе не поможет. – Самсон помолчал. – Алёнушка, ребёнка хочешь?

– Естественно.

– Тогда через девять месяцев жди дочку, – с уверенностью сказал Самсон. – Сто процентов, что ты сегодня забеременела.

Он стал сыпать медицинскими терминами, но Алла не слушала его. Ей вспомнился разговор с Самсоном месячной давности. Тогда она наивно спросила у него: «Самсон Юлианович, вы женаты?» Вопрос был не праздным: по винзаводу ходили слухи, что Охалкин крутит любовь и с Софьей, заведующей заводской столовой, и с другими молодыми женщинами. «Как жена терпит его сплошные измены? Неужели не знает?» – думала в тот раз Алла. Почему-то

вспомнился свёкор, Ананий Фёдорович, со своими «лекциями» о религии, Боге, грехе, о наказании за обман и прелюбодеяние. Но Самсон прояснил ей своё семейное положение: «Жена давным-давно сбежала от меня». – «Почему?» – «Не выдержала моей любви». – «Как это не выдержала?» – «Думаю, со временем узнаешь. – И, помолчав, шутливо спросил: – Алёна, хочешь от меня иметь дочку?» – «Да вы что, Самсон Юлианович, у меня же муж». – «А дети от меня красивые рождаются, чернявенькие, – с некоторым бахвальством сказал он. – И что странно, одни только девочки».

«Ну и Охалкин, настоящий охальник», – удивлялась во время того разговора Алла. Сейчас её захлестнули совсем другие мысли и эмоции.

– Самсон, что же мне теперь делать? – без колебания поверив ему, растерянно спросила.

– Молчать и ждать приплода, – беспечно ответил он.

– В каком смысле?

– В простом. Никому не говори, от кого у тебя ребёнок. А мужу иногда напоминай, что ребёнок – его копия.

Они поговорили недолго, и Алла окончательно успокоилась. Более того, даже радовалась: долгожданная беременность наконец-то наступила или наступит с сегодняшнего дня.

Домой Алла летела счастливая. И лишь у входа в квартиру постаралась придать спокойное выражение лицу: мать ничего не должна заметить.

Сбросив в прихожей туфли, и повесив на вешалку сумочку, она прошла на кухню.

– Что-то поздно сегодня, – послышался сзади ровный голос матери. – Или опять заставили печатать?

– Ага, – не оборачиваясь, ответила дочь, наливая в стакан воду из чайника. – К тому же с работы целый час добиралась.

– Тебе хоть оплачивают сверхурочные?

– Конечно. – А про себя подумала: «За такую „работу“ я бы Самсону все свои деньги отдала».

– Ужинать будешь?

– Мам, я бутерброды с колбасой на работе ела, – опять слукавила. – Пока не хочу. Может, позднее поем.

– Тогда иди, полежи.

Выпив полный стакан воды и, повернувшись лицом к матери, Алла улыбнулась:

– Пойду, полежу, в самом деле. Почитаю чего-нибудь...

В спальне она разделась донага и нырнула под простыню. Слава Богу, мать ничего не заметила. Хотя припухлые губы, неестественно блестящие глаза могли бы вызвать у неё подозрения. «Да, – вернулась она мыслями к Самсону, – вроде и неказист с виду, а кажется, лучше его нет. Ну а то, что старше ровно в два раза, так не замуж за него выходить. Правда, никто и не скажет, что ему тридцать восемь – на лице ни морщинки, а тело из одних мускулов. Нет, мужчина что надо и ласковый очень. И всё-таки с ним надо кончать. Пока никто ничего не заметил, не заподозрил. А то пойдут сплетни. Нашим бабам только дай повод. Начнут ухмыляться, пальцем показывать, мол: „Во, и молодую секретаршу наш охальник под себя уложил“. А что на это скажешь? Краснеть только будешь, да ёжиться. – Представив всё это, Алла нервно завопилась в постели. – Нет, нет, не надо больше встречаться. А так хочется...»

О своей возможной беременности Алла старалась не думать. А если и наплывали мысли, отмахивалась: пока не время. Дня через три должны начаться «критические дни», вот если их не будет, тогда...

Наутро Алла проснулась в отличном расположении духа. Она улыбнулась, вспоминая вчерашний день, и подумала: «Как жаль, что все на работе видят во мне девушку-секретаршу, а не серьёзную женщину. Изменяю-ка я причёску, авось, повзрослею хотя бы внешне». Она

расплела косу и соорудила на затылке замысловатый кольцеобразный пучок. Посмотрелась в зеркало: действительно, девической наивности в лице поубавилось. А если глаза сделать построже? Вот так... Да, с таким лицом она любому покажется неприступной. И к ней никто не подойдёт и не скажет: «Девушка, разрешите с вами познакомиться?» Никто! Но опытный мужчина в таком случае непременно подумает: «Какая лакомая девочка! Какой цветок!»

Опытный Самсон, увидев «новую» Аллу, именно так и подумал.

У Аллы же при виде Самсона бешено заколотилось сердце, хотя накануне дала себе слово: ещё один разок, и на этом точка. И разок этот будет не сегодня – вчерашнего вполне достаточно. Да и к Денису надо съездить. А дней через... «О-о-х, совсем скоро у меня критические дни должны начаться. А если их не будет? Если не буде-е-т... О-о, не знаю, что и думать тогда. Или радоваться, или плакать». Алла сдвинула брови и, тяжело вздохнув, стала закладывать в печатную машинку листы бумаги. Предстояло допечатать то, чего не успела закончить вчера.

Самсон в эту минуту готов был немедленно пригласить Аллу в свой кабинет, запереться... Удерживало лишь одно: ему хотелось, чтобы та сама пришла. И он решил ждать – это будет игра под названием «Кто кого», своеобразный поединок. И сдастся, разумеется, она. А он из неё верёвки будет вить: обладать ею где угодно, когда и как угодно. «Ты ведь сама меня домогалась? – в случае необходимости спросит её. – Тогда в чём дело? Нет, деточка, со мной так не поступают. Я из-за тебя от Софии, красавицы-молдаванки отказался. А будешь своевольничать, опозорю. В общем, так: пока ты мне не надоешь, будешь со мной, и будешь выполнять все мои прихоти».

Глава 8. Фактор ППИ (психологическое постсостояние измены)

В это время Алла, сидя за пишущей машинкой, пыталась представить себе, как придёт в больницу к Денису, как будет смотреть ему в лицо. Заметит ли он в её глазах перемену? «Не заметит, – с уверенностью подумала. – Я буду вести себя как обычно, как до ссоры с ним. Буду успокаивать его, говорить, чтобы не переживал, смирился с тем, что попал в больницу. Что поделаешь, в жизни всякое бывает».

Пообедав в заводской столовой, Алла направилась к Софье, попросить у неё чего-нибудь вкусненького для Дениса. Она довольно часто пользовалась услугами завстоловой, которая с первых же дней стала приручать её в надежде, что та станет послушной девочкой и быстрее попадёт в руки Самсона. В общем, Софья заранее видела в секретарше свою сменщицу в любовных делах. Самсон ей никогда не нравился и она, кажется, нашла способ, как отделаться от него. Алла, не замечая игры с её стороны, брала в столовой и мясные продукты, и фрукты, и овощи. «Для хорошего человека ничего не жалко», – говорила ей заведующая столовой.

Софья разговаривала по телефону, когда в её кабинете появилась Алла. Жестом указав гостю на стул, Софья сказала в трубку: «Я тебе позднее перезвоню». И тут же, положив руки на стол, как школьница, заулыбалась, разглядывая секретаршу. При этом в глазах её, цвета спелой вишни, мелькнуло что-то непонятное.

– Гляжу я на тебя, Алёна, и восхищаюсь: я чёрная, как цыганка, а ты словно белый пушистый котёночек, которого так и хочется взять в руки, погладить.

– Софи-и-я, – укоризненно протянула Алла, – ты же знаешь, что я не люблю, когда меня вот так хвалят, разглядывают, как лошадь на базаре.

– Кстати, эта причёска тебе идёт, – уже серьёзным тоном продолжала Софья. – В ней есть что-то такое... – она прищёлкнула пальцами, – загадочное. И сама ты сегодня какая-то загадочная. – Она снова заулыбалась, не сводя с гостыи глаз. Алла увидела в них нечто лукавое. «Неужели она знает, что я отдалась Самсону? – вдруг мелькнула у неё догадка. – Но как она могла узнать?»

– Алёнушка, – ласково произнесла Софья, – мне Самсон Юлианович сегодня сказал, что теперь я свободна. Значит, ты всё же решилась? Умница.

Она вышла из-за стола, поправила на себе чёрное платье с белым ожерельем на красивой шее. Вот, мол, смотрите, как я хороша. И лицо, и волосы, и фигура. Зачем такой зажигательной молдаванке какой-то неприглядный русский? Зачем? От Самсона, к своей радости, она наконец-то освободилась. И спасибо за это белокурой Алёнушке.

– Алёна, ты чего это покраснела вся, поникла? – участливым тоном проговорила Софья, садясь рядом. – Или ты первый раз изменила мужу? Хотя тебе и девятнадцати ещё нет, какие у тебя могли быть любовники. Да-а, – покачала она головой, – сумел-таки старый прохвост тебя обуздать. А я думала, ты ему не поддашься. – Софья со стула вновь пересела в кресло.

Алла, почти не слушая её, соображала: «Говорить что-то в своё оправдание или не говорить?»

– Я только один раз, – чуть слышно произнесла она, не зная, что ещё можно добавить. Подняв голову, несмело посмотрела на бывшую любовницу Самсона. А та вдруг звонко расмеялась и тут же оборвала смех.

– Ты знаешь, свинья тоже зарекалась? Извини, но если ты была с Самсоном хоть один раз, он теперь от тебя не отстанет. Я, например, целых полгода умоляла его отпустить меня. А он ни в какую: позвоню, говорит, мужу, если будешь настаивать. Я ему доказываю, что у меня тридцатилетний любовник – грузин, что он намного лучше.

– Лучше в чём, – спросила Алла: – красивее?

– Дурочка. Не в этом дело, а... Впрочем, он и красивее, и на деньги не жадный, подбрасывает мне на туалеты. Главное же его богатство в другом. Но тебе и главного инженера за глаза хватит, – усмехнулась. – Помучает он тебя; у меня хоть муж постоянно в командировках, он шофёр-дальнобойщик. И то иногда хоть волчицей вой. Особенно последние полгода, когда стала встречаться с грузином. Только договоримся с ним встретиться, Самсон тут как тут, как будто телефон мой прослушивает. А после него какая любовь? Но теперь всё: у меня один любовник. – Она блаженно зажмурилась. Алла наоборот, помрачнела и решительным тоном произнесла:

– София, с главным инженером я не буду встречаться.

– Будешь ты с ним встречаться, потому что без ума от него. И это естественно, особенно для начинающей... – Софья многозначительно усмехнулась: – Но ты не обольщайся: появится посмазливее тебя молодлица, и он быстренько на неё перемахнёт. А о тебе только сплетни будут ходить по заводу. Вообще я счастлива, скажу тебе откровенно, что отделалась от него. – Она умолкла, с облегчением вздохнув.

– Да не буду я с ним встречаться! – вспылила Алла. – Ну, сумел он разок затащить на диван, но теперь всё.

Обе любовницы уставились друг на друга. Совсем ещё юная смотрела вызывающе, а старшая по возрасту тряхнула головой, рассыпав по плечам свои красивые чёрные волосы, загадочно улыбнулась, но ничего больше не сказала.

Помолчав, Алла попросила у заведующей столовой чего-нибудь вкусенького для Дениса. Софья, не скупясь, наполнила пакетик, но при этом заметила:

– Так твой муж в больнице? О, мне повезло. Будь он дома, ты вряд ли согласилась остаться с Самсоном. А без мужа можно и гульнуть, мы, бабы, в это время как слепые без поводыря.

«Вот так-то, – возвращаясь к своему рабочему столу, думала Алла, – одна уже знает обо мне. А где одна, там десять других. Нет, к Самсону я больше ни ногой. Правда, он может сказать: ты уже „запачкана“, терять тебе нечего, ложись. А я всё равно не лягу, как бы он ни принуждал. Да я лучше с работы уволюсь. Вот, давайте, следите за мной, – мысленно обратилась она к возможным сплетницам. – Проследите и увидите: у меня никакой „любви“ с главным инженером нет. И не будет, уверяю вас».

Распалив себя мысленным диалогом с тётей Ниной, уборщицей, и с другими соглядатаями, Алла с бесстрашным выражением лица вошла в приёмную. Узнав, что главный инженер у себя, она без колебаний рванула дверь, чтобы сказать твёрдое «нет!»

Самсон по лицу Аллы понял, что случилось нечто непредвиденное, и поспешил к ней с любезной улыбкой:

– Алёнушка, а я тебе подарок приготовил. – Вернувшись к столу, вынул из ящика три небольших пакета в хрустящем целлофане. – Думаю, тебе это понравится. – Отдав растерявшейся молодой женщине пакеты, он прошёл к двери, запер её. – Алёна, в одном из этих пакетов две пары трусиков. Заметь, французского производства. В другом пакете – бюстгалтеры. А в третьем – пеньюар.

– Самсон Юлианович, спасибо, конечно, но... за что? – нерешительно проговорила Алла, разглядывая трусики, отделанные кружевами: одни отливали вороньим крылом, другие – белизной снега. Двух цветов были и бюстгалтеры. «Вот это подарочек! – мысленно восхитилась она. – О таком гарнитуре я давно мечтала. Но как же теперь ему о своём решении сказать? Нет, сейчас не буду, скажу потом».

Продолжая вертеть и разглядывать в своих руках подарок, Алла снова нерешительно произнесла:

– Самсон Юлианович, а что я мужу скажу? Ведь эти вещицы дорого стоят.

– Скажешь, что премию получила. За сверхурочные работы, – рассмеялся Самсон. – И пояснишь мужу, что на завод из Таллина приезжали, а ты на премиальные у них и купила. А давай-ка, Алёна, выпьем по рюмочке коньяка. До конца обеда время ещё есть. А пакетики положи вон в тот большой пакет на столе.

Алла медленно, как бы раздумывая, направилась к столу, а Самсон к шкафу за рюмками и коньяком.

Мужчина торжествовал победу – полную и окончательную. У него появилась абсолютная уверенность, что Алла будет принадлежать ему до тех пор, пока он сам того захочет. Либо до того момента, когда подвернётся другой, более выгодный для неё любовник. Такое он тоже не исключал.

Они выпили, закусили шоколадом, и Самсон вежливо сказал:

– Извини, Алёна, у меня бумаг много накопилось, надо поработать. Но сли у тебя возникнет какой-то вопрос, заходи без проблем. – Увидев на её лице промелькнувшее нетерпение, поинтересовался: – Ты о чём-то хочешь спросить?

– Да.

– Спрашивай, не стесняйся.

– Я хотела... Я плохо представляю себе, где находится инфекционное отделение. А после работы хотела к мужу съездить. Собиралась попросить вас. Но у вас... оказывается... времени нет.

Самсон внутренне улыбался, слушая её лепет. «Милая, – думал он, – ты ведь не об этом собиралась поговорить. Но пустяковый подарок растопил твою душу; вот ты и растерялась. И уже „вы“ вместо „ты“ говоришь, и не знаешь, куда глаза девать. Но ничего, когда надо, я необидчивый. И пока всё тебе прощаю».

– Алёнушка, – мягко произнёс он, – ты не волнуйся, я подвезу тебя. А пока ты будешь с Денисом, я в машине посижу, о рабочих делах подумаю. Только Денису не говори, что я тебя привёз.

– Спасибо вам большое. А за подарок вдвойне. – Тут Алла порывисто обняла Самсона за шею и впиалась в его губы жадным поцелуем. Языки их встретились, и Алла почувствовала, что Самсон готов уложить её на диван. Но вдруг как будто очнулся, отрезвел. Откинул голову, освобождаясь от её губ.

– Извини, Алёна, обеденный перерыв заканчивается.

– Самсон, ты меня сам извини, совсем забылась. – Она стала поправлять причёску, а Самсон, глядя на её покрасневшее лицо, ловя лихорадочный блеск её глаз, самодовольно подумал: «Да, проснулся дремавший вулкан. И разбудил его я. Главное – это вера в свои «talанты»».

Высадив Аллу метров за двести до невзрачного двухэтажного здания инфекционного отделения, похожего на шестнадцатиквартирный жилой дом, Самсон остался в машине. Алла пошла искать Дениса, но не в дверь, а под окна, выкрикивая: «Дени-и-с!..» И через минуту он уже выпрыгнул в открытое окно первого этажа. Подошёл к ней в больничной пижаме, молодой, красивый. У неё сердце перевернулось от внезапно нахлынувших противоречивых чувств. А когда он обнял её, поцеловал и сказал: «Алёна, я очень соскучился по тебе», – она вдруг захлопала носом.

– Что с тобой? – растерялся Денис.

– Тоже соскучилась.

Денис взял её под руку:

– Пойдём, прогуляемся.

Они направились по аллейке небольшого, примыкавшего к лечебнице парка.

– Хорошо тут у вас, – сказала Алла. – Клёны, тополя, берёзы... Даже яблони есть, облепиха.

– Курорт, одним словом, – погрузился Денис. – Да, Алёна, вляпался я хуже некуда. А попал-то сюда из-за того, что привык верить людям в белых халатах. Думал, они умные, должны понять простого человека. А они... дубы дубами. Не могли сначала анализы взять, а сразу: мили-и-цию вызовем. И сейчас чего-то темнят, никак не пойму их. Подожди, говорят, анализы ещё не готовы.

Они присели на скамейку; Денис всё никак не мог успокоиться, ругал врачей. Алла, слушая его, сгорала от стыда. Чтобы Денис не заметил её замешательства, вытащила из капроновой сеточки кусок варёного мяса и, отщипывая от него, взялась кормить мужа. Он не успевал прожёвывать, стал давиться. Тогда она взяла из сеточки яблоко, кусала его и совала мужу в рот, как ребёнку.

Денис не выдержал, рассмеялся:

– Алёна, я не могу больше, у меня челюсти болят. – Отдышавшись, он окинул взглядом жену. – Слушай, а я-то терялся в догадках, думал, что же изменилось в тебе? А здесь вон что, причёска. Ты извини, не сразу заметил, настроение было неважное. Но... зато сейчас настроение хоть куда. – Он встал, отошёл на шаг, любясь женой. – Да, если до этого ты была похожа на десятиклассницу, то сегодня – на учительницу у первоклашек.

Алла поднялась со скамьи. «Просто я стала женщиной, – мысленно ответила она мужу. – Жаль, что не ты сделал меня такой». Она отдала ему авоську, в которой лежал кусок колбасы, яблоко и недоеденное мясо, и потянула мужа в густые заросли. Там прижала его к дереву и принялась испулённо целовать.

– Люблю тебя, люблю, – приговаривала она. – Выписывайся поскорей из этой проклятой больницы, возвращайся домой.

И Денис, покорённый этой страстью, готов был сейчас же бежать к врачам, умоляя их отпустить его отсюда.

Уходила Алла с тяжелейшим чувством вины. «Что я наделала? – корила она себя. – Как смыть с себя этот толстенный слой грязи? О-о, этот Самсон, этот гад. А я? Я-то разве лучше? В сто раз хуже. Он неженатый мужик, бабник. А я – стерва».

Самсон ждал её в «Москвиче». «Может, не ехать с ним?» – Но, увидев Самсона, выглядывающего из-за полуоткрытой дверцы машины, мысленно махнула рукой. «Ладно, поеду. Прошлого не изменишь. А будущее... Будущее теперь зависит только от меня».

Сев на переднее сиденье, Алла изо всех сил хлопнула дверцей. На Самсона даже не взглянула и не извинилась за долгое отсутствие: обещала вернуться через двадцать минут, а пробыла с мужем ровно час.

Усмехнувшись, Самсон медленно тронул машину с места. По лицу, по глазам своей любовницы, по её нервным движениям он понял, что свидание с мужем не прошло даром: она уже раскаивается. «Что ж, так оно и должно быть», – размышлял Самсон. У него была своя теория на этот счёт. Всех женщин, способных на измену, он делил на группы ППИ (психологическое постсостояние измены). В одну входили те женщины, которые вначале остро переживали свою первую измену, потом привыкали. В следующую входили женщины, будто от рождения запрограммированные на постоянные измены, которые не терзались ни от первой, ни от сотой. Что толкает жён на измены – это уже другой вопрос. Здесь и неудовлетворение семейными отношениями, месть неверному мужу, ссоры в семье и многое другое. Самсон при желании мог бы написать на эту тему целый трактат, в первой главе которого поделился бы с читателями собственным опытом, открыл секрет, так сказать, первого взгляда на женщину – лежит ли на ней печать готовности или её можно сразу отсеять как неперспективную к партнёрству с другим мужчиной. Но всё это было пока лишь его задумками. Он считал, что время ещё не пришло, может, когда-нибудь, в будущем, он сядет и опишет свой опыт в виде мемуаров.

Самсон изредка поглядывал на Аллу, хмурился, давая понять, что её плохое настроение отнюдь не поднимает в нём бодрость духа.

– Да, Алёна, – заговорил он, – а ты ведь ещё до встречи со мной изменила мужу. В душе; я это сразу заметил. Ты ме-е-дленно, но шла к этому. И если бы на моём месте был другой, ничего бы не изменилось. Поскольку на тебе стоит печать сладострастия, и это видит каждый мужчина. Ты из тех, кто не довольствуется одним мужем, тебе непременно надо познавать и познавать мужчин. Познаешь до конца меня, тебе захочется нового любовника. Попадётся слабак, тебя потянет к другому. Попадётся сильный, ты, войдя в азарт, будешь думать: а вдруг есть ещё сильнее? И пойдут поиски, поиски... Нет, твоё дело конченное: ты не создана для семьи, для постоянства.

Самсон говорил назидательно, будто читал выдержки из своей будущей книги, но Алла почти не слушала его, думая: «Давай, давай, философствуй, а в постель меня больше не затащишь. Хватит, попользовался».

Остановив «Москвич» возле Аллиного дома, Самсон взял с заднего сиденья пакет и положил его на колени любовницы. Алла вздрогнула, словно ей положили раскалённый утюг. Она совсем забыла об окаянном подарке и не знала, что делать: взять его или отказаться. Поколебавшись, сказала, не глядя на главного инженера:

– Хорошо, этот подарок я возьму. Но впредь, Самсон Юлианович мне от вас никаких подарков не надо. Спасибо, что свозили меня к мужу. До свидания. – Она вышла из машины, хлопнув дверцей. И, эффектно виляя бёдрами, направилась к своему дому.

– Ух, ух, – произнёс ей вслед Самсон, покачивая головой. – Ничего, через день-другой сама прибежишь. Но какой зад у девки, какой зад!

Глава 9. Алла забеременела. Денис влюбился

Весь следующий день (пятницу) Алла держалась с Самсоном подчёркнуто строго. Если он требовал принести какие-то документы, она приносила. Клала бумаги на стол и, спросив: «Что-нибудь ещё нужно?» – уходила. Самсон понимал ситуацию, и терпеливо выжидал. «Неделю ты выдержишь, – думал он. – Ну, две. Хотя две для тебя слишком много: желание раньше согнёт тебя в бараний рог. Конечно, ты попробуешь усмирить его с Денисом. Но хватит ли у него после больницы сил? Да и ты не дашь себе в постели полную свободу, как со мной. Побоишься от него услышать: „Где ты такого набралась?“ Поэтому не строй себе воздушных замков. И не валяй дурака, девочка, а приходи скорей: всё равно никуда от меня не денешься. А твоего мужа мы ещё помане́жим в больнице».

В воскресенье Алла опять поехала к Денису. «Скоро ли ты выпишешься?» – первым делом спросила она. Муж хмуро ответил: «Не знаю».

В пятницу врач ему сказала, что у него тяжёлая форма дизентерии, такой якобы результат получен в лаборатории. «Какая дизентерия? – возмутился Денис. – У меня же нет никаких проявлений». – «У вас дизентерия». – «Может, лаборанты ошиблись?» – «Может, не может. Нам лучше знать, – пробурчала врач. – Лечить вас будем».

Алла видела, что муж недоволен, не хочет ничего говорить, кроме того, что выписывать его пока не хотят.

Она и сама была огорчена. И не только потому, что Дениса долго томят в инфекционном отделении, но и по другой причине. На днях у неё должны бы начаться месячные, однако ни вчера, ни сегодня не начались. Поэтому и не знала, что делать: то ли плакать, то ли радоваться. Правда, вечером всё же не выдержала. «Ура-а-а! – торжествовала она. – Я не больна-а-я-я!» Она и засыпала с мечтательной улыбкой на губах, прикидывая, когда о своей радости сказать Денису.

У Дениса тоже были две причины хмуриться. Вторая – напускная, чтобы скрыть переполнявшую его радость. Первый раз в жизни он влюбился и, как считал, всерьёз. Влюбился в медсестру инфекционного отделения. А вчера провёл с ней незабываемый вечер.

Денис, чтобы не сильно тосковать в больнице, попросил жену принести ему гитару. И в этот же день очаровал своим пением и больных, и медперсонал. Медсестра Юля, заступившая на дежурство в ночь, уже знала, что у них появился молодой обаятельный гитарист; успела выяснить, что никакой он не больной, но... велено молчать. И в этот же вечер познакомилась с ним. А уже в субботу, когда снова заступила на ночное дежурство, пригласила Дениса в тесную комнатку с одним табуретом и кушеткой, обитой чёрным дерматином. Денис пришёл с гитарой, о чём попросила его Юля.

– Какие песни вы любите? – спросил он.

– Под гитару я всё люблю.

Сначала Денис спел две туристические песни, какие обычно поют у костра. Но, видя с каким неподдельным интересом слушает его красавица-медсестра, осмелел.

– А сейчас я исполню песню-ноктюрн «В узких улочках Риги». Песня, правда, не новая, но мне очень нравится. – Взяв аккорд, он запел: «Но-о-чью-у-у, в узких улочках Ри-и-ги-и...»

Юля стояла напротив Дениса, скрестив руки на груди. Стройная, выше среднего роста, полногрудая. Золотистые волосы волнами спускались с плеч, удивительной красоты светло-зелёные глаза, прямой носик, небольшие полненькие губки. Денис успел обратить на неё внимание при первом знакомстве.

Закончив петь, он ласкающим взглядом посмотрел на молодую медсестру. Нежно-белым цветом лица она напоминала ему жену, но формами тела походила на Викторию, старшую

сестру Аллы. Кстати, и разрезом глаз и роскошью волос они тоже роднились. «Посмотреть бы на неё голенькую», – помечтал Денис: всё-таки он страдал без женской ласки.

– Денис, ты женат? – прямо спросила Юля.

– Женат, – ответил он. – А почему вас это интересует?

– Денис, давай на «ты», мы же почти ровесники. Тебе, кстати, сколько лет?

– Скоро двадцать два.

– Вот видишь. – Юля картинно положила руки на свои крутые бёдра. – Мне тоже скоро двадцать два будет. А в армии ты служил?

– Служил, – улыбнулся Денис. – А при чём здесь армия?

– Как «при чём»? – Юля вскинула длинные, слегка подведённые брови. – Армия – это школа для мужчин. После армии вы другие, уже взрослые. Кстати, спирта медицинского хочешь? – Она кокетливо посмотрела на Дениса.

– Спирта? – удивился он. – Спирт я ни разу не пил.

– Вот это солдатик, – всплеснула руками Юля. – Кто спирт не пил, тот считается неполноценным мужчиной. Ну, выпьем?

– Наливай.

Денис поставил гитару к стене, поднялся с табурета.

– Где твой спирт?

– А ты заводной, оказывается, – качнула головой Юля. – Подожди, я сейчас. – Она торопливо вышла из комнаты и скоро вернулась. В одной руке у неё была бутылка со светлой жидкостью, а в другой – гранёный стакан.

– Держи. Спирт, правда, разбавленный, но градусов семьдесят в нём есть.

– А зажевать найдётся что-нибудь?

– Ржаной сухарь. – Юля достала из кармана засушенный кусочек хлеба. – Пойдёт?

– Пойдѐ-ѐ-т, чего не пойти.

Взяв стакан, Денис выдохнул из себя и в два глотка, как заправский мужик, опустошил его. Понюхав сухарь, равнодушно сказал:

– Почти как водка, только покрепче. Юля, теперь твоя очередь.

– Ой, мне нельзя, я ведь на работе...

– Да чего там, пей. – Денис взял у неё бутылку и стал наливать в стакан.

– Мне поменьше! – взмолилась Юля.

Выпив граммов пятьдесят и так же, как Денис, понюхав сухарь, Юля поставила стакан на подоконник и вдруг закачалась:

– Ой, держи меня, я сейчас упаду.

– Шутишь? – спросил Денис, тем не менее, обнял Юлю за талию, сразу почувствовав, что под халатом голым-голо.

– Дени-и-с, – прижимаясь к нему, притворно-слабым голосом произнесла она, – у меня голова закружилась. Положи меня на кушетку. Возьми на руки и положи.

– Юля, мы же с тобой... в полметре от кушетки. – Денис заволновался.

– Нет, я хочу, чтобы ты меня взял на руки и положил. Ну, Дени-и-с.

Тому ничего не оставалось, как выполнить просьбу.

– Дени-и-с, поцелуй меня, – всё тем же слабым голосом попросила девушка.

Её лицо, открытая шея, белые груди, выглядывающие из-под халата, подманивали. Полюбовавшись ими, прикоснулся губами приоткрытых Юлиных губ. А ей, возможно, надоело играть с нерешительным «телёнком»: она обхватила обеими руками его голову и крепко поцеловала в губы. У Дениса потемнело в глазах, он закрыл их. А когда снова открыл, не поверил тому, что увидел: Юля стояла на полу, кокетливо улыбаясь и, не спеша, расстёгивая пуговицы на своём халате, неожиданно распахнула его. Денис обмер – крупные, налитые груди

торчали тёмно-малиновыми напрягшимися сосками; тонкая талия, нежный животик, роскошные ноги... «Вот это красота-а, похожую я только в музее видел».

– Денис, ты что, не мужик, что ли? – услышал он сквозь краткий девичий хохоток. – О, а у тебя женилка из ширинки выглядывает.

– Как! – испугался он, бросая руки на... оттопыренные штаны. Он понял, что медсестра подтрунивает над ним, словно над пацаном и обозлился. «Я покажу тебе, как смеяться над деревенским парнем. Я покажу тебе, нахальная горожанка».

Юля с любопытством наблюдала за ним. Когда он сбросил больничную пижаму с рубашкой и майкой, она подумала: «Мускулистый мальчик». А когда остался совсем голым, она округлила глаза: «Ого-о!..»

И всё же не удержалась от подковырки:

– Денис, и с такой погрешкой ты хочешь ко мне идти?

Не обращая внимания на обидную реплику, он скомандовал:

– Снимай халат!

Юля сбросила с себя медицинский халат, а совсем скоро не умолкала, вышёптывая сквозь страстные стоны самые ласковые слова:

– Денисушка, мальчик мой... Блондинчик мой ненаглядный...

Денис не ожидал, что Юля окажется такой пылкой. «Куда до неё моей жене, – думал он. – Та лежит себе плахой, никакого вдохновения. А ту-у-т...»

Юлия, что называется, вогнала его в дрожь и пот. Денис ждал, что ещё минута, и он взорвётся, закричит от переполнявших его эмоций. Но потрясающий миг тянулся, и в этом миге страстно охала, постанывала несравненная девушка. «Это просто сказка!» – восхищался Денис.

Он упивался любовным действием, а Юля стала руководить: то ему приподняться выше, то опуститься пониже, то своё колено поставить туда, то сюда... А то заставляла его останавливаться и целовать её сосочки, грудь. И он целовал, целовал всё её тело, о чём раньше даже думать стеснялся. Наконец они успокоились, затихли.

– Дениска, ты настолько прекрасен, что у меня слов нет, – похвалила его Юля. – Я никак не думала...

Она встала с кушетки, усадила на её край Дениса и склонила его голову к своему животу. Молодой мужчина, казалось, только этого и ждал.

– Дениска, – понежившись в его объятиях, сказала Юля, – теперь я оденусь, потом проверю, не ходит ли кто из больных по коридору. Заодно тёплой воды принесу.

Она надела свой белый халат, застегнула его на все пуговицы, сунула ноги в туфли и вышла, заперев дверь на ключ.

Денис поднялся с кушетки, высоко подпрыгнул от переполнявших его эмоций. Затем выключил свет и, отодвинув шторы, прильнул к окну. На улице было темно и, кажется, безмолвно; чёрные деревья причудливым узором закрывали небо.

Вскоре вернулась Юля.

– Ты почему сидишь в темноте? – Она включила свет. – Или тебе моё тело не нравится?

– Что ты, Юля! Очень даже нравится.

– А мне твоё. Хочешь ещё глоточек спирта?

– С сухарём?

– А чего тут такого? За неимением колбасы, и сухарь сгодится.

– Тогда наливай.

Выпив по чуть-чуть, они помогли друг другу совершить омовение. При этом Денис ещё раз наслаждался и созерцанием, и осязанием её обольстительных форм.

Чувствуя хмельное головокружение, они снова сели и, обнявшись, откровенно поговорили. Юля сказала, что год назад разошлась с мужем, детей у них не было.

– Знаешь, я сама не захотела иметь ребёнка, – призналась она. – Муж пил. Хотя перед женитьбой обещал бросить. Не бросил. Правда, как мужчина он был хорош – сильный, красивый. А уж любовных приёмов зна-а-л – это он меня научил всему. Я ведь совсем неопытной девочкой замуж выходила. Чувствую, и у тебя жена была невинная, как и ты.

Денис почувствовал, что краснеет. Юля успокоила его:

– Ничего, всему можно научиться. Главное, ты как мужчина сильный, гораздо сильнее моего бывшего мужа. А техника – дело наживное. Хочешь, мы сейчас же ею займёмся?..

Перед тем как отпустить Дениса в палату, Юля решила ещё поговорить с ним. Она расхаживала по комнатке, а Денис, голый сидел на кушетке. Юля тоже была в чём мать родила и, казалось, специально красуется своей фигурой.

– Денис, – начала она издали, – ты не задумался, почему я так вольно вела себя? Не ломай голову, сама отвечу. Хотя в моём ответе, возможно, найдёшь и противоречия, потому что я сама сначала не поверила в то, что почувствовала. Хотела даже спровоцировать тебя, поругаться с тобой, но... Сердцу, как говорится, не прикажешь. Но сейчас честно скажу, что с первого взгляда в тебя влюбилась. Правда, сначала ты мне понравился только внешне.

Она остановилась перед Денисом, наклонилась и поцеловала его в голову.

– А потом уже влюбилась по-настоящему. Это чистая правда. Кстати, я до последней минуты не хотела признаваться тебе в своей любви.

Юля опять стала ходить по комнатке, изящно переставляя свои красивые длинные ноги, не менее изящно двигая округлыми, вздрагивающими при каждом шаге ягодицами.

– Ты только не подумай, пожалуйста, что я хочу повиснуть у тебя на шее. Ни в коем случае! И жениться не требую. Ты тоже не думай об этом. Впрочем, – тут Юля усмехнулась, – детей у вас нет, к тому же твоя жена, как ты говоришь, даже забеременеть не может. Это при обоюдном-то вашем желании! Прости, Денис, здесь я, кажется, не в свои сани села.

Она сдвинула брови и, помолчав, продолжила:

– В общем, так, Денис, ты нашими отношениями не озабачивайся. Если чувства окрепнут, можно будет и по-другому поговорить. Мне, например, не хочется стать обманутой женой. Опять начнутся измены... Нет уж, если любовь, то взаимная; а иначе развод. Тут и дети, если они есть, не помеха. – Юля приостановилась и, глядя на Дениса в упор, заверила: – У меня ведь, кроме мужа, ни одного мужчины не было.

Неожиданно она поставила напротив Дениса табурет, села на него; закинула ногу на ногу и, улыбнувшись, спросила, вроде как удивляясь сама себе:

– И чем ты меня покорила, интересно? Своей шевелюрой? Ростом? Не знаю. Но покорила – это точно.

Денис, слушая, любовался ею. Обнажённая она была божественна, но не только телом: каждое её слово внушало Денису уверенность, что перед ним добрая, честная и умная женщина. Будто кто-то шептал на ухо: «Да, именно эта молодая женщина должна быть твоей. Не упускай свой шанс. Она никогда не предаст, не обманет, но и ты будь с ней честным, правдивым».

Видя, какими влюблёнными глазами смотрит на неё Денис, Юля села к нему на колени и тихонько спросила:

– А у тебя действительно сердце вздрогнуло, когда ты увидел меня? И ничего подобного, говоришь, не было?

– Не было, Юленька, – искренне ответил Денис. – И дело вовсе не в постели. Хотя и в постели ничего подобного не было. – Он вздохнул. – Вот смотрю я на тебя и, кажется, будто крылья за спиной отрастают. Так бы и полетел, куда ты скажешь.

Юля слушала Дениса, не перебивая. И этот вечер, и всё, что произошло между ними, грело её душу, радовало сердце. Она благодарно прижалась к нему.

– Я готова разговаривать с тобой до утра, но мне пора, всё-таки я на работе. Давай одеваться.

Она ещё раз прижалась к Денису, поцеловала его и, одевшись, они расстались.

Лёжа у себя в палате, Денис смотрел в потолок и думал: «Я счастливый человек. Я люблю, и меня любят. Сегодня я стал настоящим мужчиной. Мужчиной с большой буквы. Правду говорят: всё, что ни делается – к лучшему. Если бы не работа, которую предложил мне отец, я бы не попросил у Алёны липовый больничный и, как итог, не познакомился бы с Юлей...»

Когда Денис не приехал в деревню ни к оговорённому сроку, ни на следующий день, Ананий Фёдорович удивился. Сделав по дому всё, что планировал, направился в город. На работе сына ему сказали, что тот лежит в больнице. Ананий долго ходил по больничному парку, дожидаясь Дениса. Сын появлению отца обрадовался, но в ту же минуту устыдился, что подвел его, загремев в больницу.

– Плюнь, – утешил его отец, – всех денег не заработаешь. Главное, чтобы здоровье было, тогда придет и достаток. А для этого надо оптимистом быть, вот это-то и прибавит тебе сил и здоровья.

Отец с сыном сидели на лавочке возле больницы. И что бы ни говорил сейчас отец, Денису всё равно было неприятно, стыдно.

– Пап, подвели мы соседей, – выдал он, наконец. Ананий Фёдорович хитро улыбнулся:

– Да не отказался я от калыма, Денис. Нашёл себе помощника, одного парнишку. Ну, получу немного меньше, так что с того? Мы не жадные. Ты лечись, давай. Тебя твоя основная работа ждет.

– Пап, я и там подвел кое-кого со своей болезнью, а меня ведь хотели на другой объект перевести, государственного значения. Теперь нашепчут начальству недоброжелатели...

– А ты улыбайся всем своим врагам. В конце концов, и они тебе улыбнутся. Не зря в наших сказках добро всегда зло побеждает. Русский народ не дурак, всё на лету схватывает и в «тетрадку» записывает. Вот так и живём по этой мудрой «тетрадке», но с поправками на время. А сейчас что тебе нужно? Работать честно, с душой; институт закончить. Заметят тебя, прорабом переведут, потом старшим прорабом, а там, глядишь, и начальником управления поставят.

– Ну-у, ты и хватил, пап, – развеселился Денис, так далеко он ещё не заглядывал, сначала, действительно, нужно учебу закончить.

– Только поправочку небольшую внесём. – Ананий Фёдорович посерьёзnel и брякнул: – Надо тебе в партию вступить.

У Дениса аж глаза на лоб полезли от отцовского заявления.

– Ничего не говори, сынок, а послушай отца-фронтовика. Помню, как на фронте у нас перед боем молодых лейтенантов в партию принимали. Хотели коммунистами в бой идти, стержень внутри иметь. Теперь время мирное, но без партии... как без Бога, тоже никуда не денешься. Тут тебе и должность при высшем-то образовании, и льготы другие, по высшему разряду. Ты скажи, много ли ты видел беспартийных начальников? То-то же! Только с властью поосторожнее надо обращаться, ведь при власти человек зачастую чувствует себя эдаким мини-богом, вершителем судеб. Вот как в твоём случае: перевод тебя на другой объект от начальника зависит, значит, от власти. Как скажет он, так и будет, а ты подстраивайся. А тому, может, сладко от своей власти. Власть. Властитель. Слова-то какие! Даже отдельные бригадиры и то себя царьками в каких-то ситуациях чувствуют. Молоденьких девчонок на работе начинают щупать в открытую, а то и...

Денис засмеялся:

– Я меня, пап, был такой бригадир, но я его быстро на место поставил.

– А как ты его на место поставил? Потому что начальник над ним. Пусть пока маленький, но начальник, причём честный. Так про что я хотел сказать? Мне думается, что партию создали наши вожди по образу и подобию учения о Боге. Там тоже своя иерархия. Умное учение, кстати. Да. Но что-то я заговорился, не до того тебе, смотрю. Будет ещё у нас с тобой время поговорить на эту тему. Только между нами разговор, Денис. Хоть и не больно я настроен, а тебе всё же советую вступить в партию. Вступи я в своё время на фронте, может, и не сержантом бы вернулся, а полковником, глядишь, и жизнь пошла бы по-другому... Да кто знает, многое не от человека зависит, а от обстоятельств, случая. Ладно, Денис, лечись, о нас не заботься. Я к чему тебя наставляю? Чтобы был ты хоть и властью, но разумной, соблюдал заповеди божьи. Во!.. Иди, никак зовут тебя.

Не думал, не гадал Денис, что разговор с отцом на эту тему прервётся на долгие годы.

Глава 10. Каждому – своё

Как не вязалась утренняя больничная обстановка с настроением проснувшегося Дениса. «Неужели я действительно влюбился?» Уже сама мысль об этом вызвала непередаваемый восторг. Что-то похожее он испытал и при первой встрече с Юлей. Правда, там был иной восторг – восторг молодого, здорового мужчины, больше недели не спавшего с женщиной и вот встретил не женщину – королеву. Но сейчас он – любовник этой королевы. Счастливый любовник! А может быть и счастливым мужем.

Умывшись и позавтракав, вышел в больничный сад. Всё вокруг зеленело, всё цвело. На разные голоса пели птицы. «Юля, Юлия, – повторял он, – бывают же такие вдохновляющие имена». Лишь во время встречи с женой вынужден был погасить полыхающую радость. Немного печалило то, что увидится с Юлей не скоро, только во вторник, когда она снова заступит на дежурство.

Постоянно думая о ней, на мгновение вызывал в памяти кушетку, обнажённое тело Юлии. Мечты его по большей части были целомудренны, ему хотелось просто увидеться, поговорить, посидеть рядом. С женой он твёрдо решил развестись. Правда, Юля просила не спешить, проверить свои чувства. Но что проверять, Денис был в них уверен.

«Любил ли я Алёну? – спрашивал он себя. – Нет. Ревновал немного, вот и всё. Иногда хотел её как женщину. Но желание близости и любовь, говорят, далеко не одно и то же. Если же у нас с Алёной и была любовь, то... странная какая-то, неправильная. Да и детей у нас с ней нет. А дети – связующее звено. Без детей семья не семья. Да и женился я, по правде сказать, по-дурацки: надоело по грязи и сугробам из деревни в город ходить».

Обдумав всё это, Денис с нетерпением стал ждать встречи с Юлей, чтобы сказать ей: «Я люблю тебя! Будь моей женой!»

Юля тем временем решила всё-таки выяснить: кому же мог насолить деревенский парень, чтобы его ни за что ни про что заточили в инфекционное заведение. Кому он дорогу перешёл?

Узнав фамилию терапевта, давшего Денису «путёвку» в стационар, Юля в понедельник поехала в поликлинику.

Одетая соответствующим образом, около часа дня вошла в кабинет под номером двадцать.

– Здравствуйте, – сухо поздоровалась она, внимательно посмотрев на женщину привлекательной внешности, не старше тридцати пяти лет. – Я дочь... – Юля назвала фамилию своей матери, профессора-хирурга, главврача знаменитой в областном центре клиники.

– Очень приятно познакомиться с дочкой Надежды Петровны, – с почтением привстала со стула терапевт.

– Я не думаю, что наше знакомство окажется приятным, – отчеканила Юля. Она села на стул, услужливо предложенный ей медсестрой, и, глядя в лицо терапевту, строгим тоном спросила: – Скажите, кто вам посоветовал «упечь» в инфекционное отделение абсолютно здорового человека. Удивлены? – насмешливо улыбнулась она. – Пятнадцатого мая, утром, на прошлой неделе, – сделав паузу, продолжала она, – к вам обратился молодой человек, блондин...

– Извините, пожалуйста, – перебила Юлю терапевт. – Танюша, – обратилась она к медсестре, – ты постой немного за дверью, чтобы ко мне никто не входил... Я вспомнила вашего больного, то есть не вашего, извините, а моего. Но он сам мне признался, что у него... диарея.

– Я же вам объяснила, почему он так поступил, – жёстким голосом произнесла Юля. – В общем, я пришла не расследование проводить, а узнать: кто вас просил отправить в стацио-

нар Кириллова. Если будете говорить неправду, то у вас, и не только у вас, будут неприятности... если у Кириллова взять анализы. Скажете правду, об этом ваше начальство не узнает.

– Я всё поняла, – побледнела терапевт, – и юлить перед вами не буду. Скажу начистоту: попросил меня об этом мой старый приятель, главный инженер винзавода. Такой коти-и-ще, – закрыв глаза, покачала она головой, – жуткий. И он мне честно сказал, что хочет «заняться» новенькой секретаршей. А её муж, вроде бы, помеха ему... Короче, уговорил он меня, а я попросила знакомую в инфекционном отделении.

Выслушав признание, Юля брезгливо поморщилась и поднялась со стула. Она уже закрывала за собой дверь, когда услышала за спиной: «Только вы никому...»

В понедельник Алла снова надумала съездить к Денису. Хотя и была накануне у него, но нахлынувшее желание гнало её в объятия мужа. «А вдруг и с ним получится, как с Самсоном».

Своё решение о поездке к Денису Алла приняла до обеденного перерыва. А в перерыв её вызвал Самсон и, заперев дверь, вкрадчиво сказал:

– Алёнушка, мне очень хочется посмотреть, как ты выглядишь в новых трусиках. Надеюсь, ты в них сегодня?

– Решили о своём подарке напомнить? – дерзко спросила Алла.

– Не только, – масляно улыбнулся Самсон. – Есть желание пообщаться с тобой. Целые сутки уже представляю одно и то же, как я раздеваюсь, как снимаю с тебя французские трусики, как ты садишься мне на колени. Начинаешь потихоньку кусать меня, захлёбываться от возбуждения. Ты представляешь, Алёнушка?

Самсон говорил вкрадчивым голосом о том, что будет дальше, как им хорошо будет... Алла замерла, будто под гипнозом; слова любовника с каждой секундой всё сильнее распяляли в ней закипающую страсть. Она боролась с этой напастью, старалась думать о муже, но мысли путались.

Распялялся от собственных слов и Самсон. Ему уже нестерпимо хотелось Аллу, он почти физически осязал её упругие, гладкие ягодички, груди... Он отлично знал, что она недолго будет противиться и сама упадёт в его объятия.

Он взял её руку и поцеловал. Алла нахмурилась, но руку не вырвала, из кабинета не побежала. Казалось, она ждёт, что будет дальше. И Самсон пошёл дальше. Он обнял её за талию, притянул к себе. Алла издала слабый стон, провела тыльной стороной ладони себе по лбу, точно пытаясь унять головокружение. Это отдавало душещипательной сценкой из жизни кисейной барышни. Как-то странно усмехнувшись, Самсон приподнял подол её платья...

Алла откинула голову назад. Ей было сладостно до умопомрачения, но мозг всё ещё противился. А Самсон гладил её животик, по сантиметру опускаясь ниже и ниже. «Нет, только не поддаваться, устоять». Но не выдержала, сдалась. «К чему бороться? – малодушно подумала. – Ещё один разок, а там – конец».

– Самсончик, – словно в полусне, прошептала она. – Любимый... я хочу... люблю тебя...

Самсон ликовал. «Что, сдаёшься, похотливая сучка?»

...Минуты через три, когда Алла почувствовала в себе душевный подъём, она вдруг услышала:

– Давай одеваться, мне кажется, нас подслушивают. А после работы ко мне домой приедешь.

Алла молча, с недовольным видом встала с кресла...

Самсон, уже одетый, дожидался её.

– Самсон, я к мужу хотела съездить.

– Езжай, – пожал он равнодушно плечом. – От него ко мне приедешь.

Алла недоумённо посмотрела на Самсона: всё-таки она рассчитывала на то, что он отвезёт её к Денису. Прикусила от обиды нижнюю губу, отпустила.

– Хорошо, я подумаю.

Вялой походкой она пошла из кабинета. Самсон смотрел ей вслед и ухмылялся.

Придя в себя от унижительных, как ей показалось, действий Самсона, Алла от злости не знала, что делать. «Мерзавец! – мысленно ругала его. – Почему не захотел в кабинете? В тот раз было хорошо и вдруг плохо стало, подслушивает кто-то. И с Денисом не получится. Где с ним... в кустах? А может, попробовать?! – Подумав, лишь сильнее обозлилась на себя. – Куда ему тягаться с Самсоном».

И всё-таки к концу рабочего дня Алла решила съездить к мужу. «А вдруг?» – лелеяла она слабую надежду. Но – не получилось. Денис был хмур и на её ласки, ухищрения отвечал пожатием плеч, а в конце отшатнулся от неё, отрезав:

– В кустах я не хочу. Да и больные тут ходят...

«Хорошо хоть еды идиоту не привезла, – с ожесточением думала Алла, шагая к автобусной остановке. – Условия ему в кустах не подходят, деревенщина проклятушая. Могла бы аборт сделать, а теперь рожу тебе от чужого мужика. Ты будешь нянчить его, а я буду посмеиваться, деревня. А пока ты прозябаешь в поносном отделении, я каждую ночь буду проводить с Самсончиком, чтобы на всю жизнь натешиться».

Постояв недолго на остановке, Алла не выдержала и взяла до дома Самсона такси. Не опасаясь, что в этом доме могут жить и другие работники винзавода, которые её знают. «Плевала я на всех!»

Едва Самсон открыл дверь, как она кинулась ему в руки:

– Самсончик, любимый, одного тебя люблю.

– Может, сначала выпьем? – спокойно спросил тот, также спокойно снимая с Аллы платье.

– Нет, нет, потом, – отмахнулась она.

– Алёна, я сразу тебе ставлю условие, – с ходу заявил он.

– Мой милый... ставь любое условие.

Самсон слащаво улыбнулся, но Алла не заметила этого. Голая, она бухнулась на колени и стала обнажать любовника.

– С сегодняшнего дня, – начал диктовать он, – ты мне будешь безоговорочно во всём подчиняться.

– Буду, – покорно бросила она.

– Я могу потребовать о тебя разных действий, – продолжал Самсон. – Самых разных!

– Пусть.

– А иногда тебе придётся ночевать у меня даже тогда, когда муж будет дома. Не побоишься?

– Нет!

– И на работе будешь делать всё, что я прикажу.

– На всё согласна! Я – твоя раба...

Утром Алла входила в приёмную, как привидение: походка вялая, вид поблекший. Губы обескровлены и искусаны. И вся она походила на человека, который только что перенёс долгую, изнурительную болезнь. Сослуживцы не узнавали её, обмениваясь многозначительными взглядами, а то и скабрёзно перемигивались.

Самсон, наоборот, казался помолодевшим на десяток лет. Он был весел, жизнерадостен, каждые полчаса вызывал к себе секретаршу, передавая ей документы для перепечатки. И всякий раз шутил: то по поводу её искусанных губ, то насчёт её кипучей страстности. Алла лишь вяло улыбалась в ответ.

Часа через два она попросила Самсона отвезти её домой:

– Сил нет сидеть. Всё болит, тошнит. Боюсь, как бы со стула не свалиться. Я уже отпросилась у директора, сказала, что заболела.

Главный инженер не стал медлить, но сразу предупредил, что повезёт её не домой, а к себе. Алла слабо улыбнулась:

– Хорошо, позвоню и сегодня матери, навру, что опять у подруги заночую, к экзаменам с ней готовимся.

– Молодчина, – похвалил её Самсон. – А я больничный тебе с сегодняшнего дня оформлю. Отдохнёшь от трудов праведных.

Глава 11. Решение о разводе

Во вторник Юля пришла на работу без четверти восемь. В этот день она должна была дежурить с восьми утра до восьми вечера. Но поговорив с лечащим врачом Дениса, уже в начале девятого вызвала Дениса в коридор и шёпотом, будто под большим секретом, сообщила ему, чтобы собирался домой, – его «лечение» закончилось.

– Я взяла отгул, и весь день мы проведём вместе.

– Юлюшка, я люблю тебя!

Минут через десять они вышли из инфекционного отделения; за спиной у Дениса висела гитара. Они шли к автобусной остановке, держась за руки, и разговаривали. Пока ждали нужный маршрут, Юля успела рассказать Денису о своих родителях, и немного о себе.

Её мама – доктор медицинских наук, профессор, отец – полковник медицинской службы, начальник военного госпиталя, кандидат медицины. Оба хирурги. В школу Юля пошла с шести лет, а по окончании восьмого класса поступила в медучилище. Позднее, после третьего курса мединститута, взяла академический отпуск по семейным обстоятельствам. Несколько слов сказала и о своём бывшем супруге. Выходила замуж за капитана медицинской службы, хирурга, который работал у отца в госпитале. Но спился, из армии был уволен. В общем, банальная история. И вспоминать о ней, ворошить прошлое не хочется.

Юля жила в пятиэтажном доме на набережной Волги, недалеко от центральной площади города. Поднявшись на третий этаж, она позвонила. На вопрос из-за двери: «Кто там?» – шутливо ответила:

– Тётя Поля, а разве в глазок не видно кто?

– А, это вы, Юленька, – послышался спокойный голос. После чего щёлкнули запоры и открылась тяжёлая дверь.

В просторной прихожей молодых людей встретила женщина лет шестидесяти.

– Наша домработница, – представила её Юля и, закрыв за собой дверь, весело произнесла: – Тётя Поля, вы сегодня свободны, можете идти отдыхать.

– Как скажете, хозяйюшка, – согласно кивнула женщина.

«Вот это квартира, – оглядевшись, удивился Денис. – Как ба́ре живут. А ковёр-то, какой, ему бы на стене красоваться, а он в прихожей на полу».

Стены в прихожей были увешаны полками с книгами. Сняв ботинки, и прислонив к стене гитару, Денис прошёл вперёд и попал в холл, где стоял диван, рядом – торшер. И снова книжные полки. «Интересно, а сколько у них комнат?»

– До свиданья, молодёжь, – услышал он голос домработницы.

– До свидания, тётя Поля. – Юля заперла за женщиной дверь и, подойдя к Денису, стала снимать с него рубашку.

– Потом, – мягко отстранился он и спросил по-простецки: – Юль, а зачем вам домработница?

– Денисушка, у нас пять комнат...

– Пять?!

– Да. Плюс столовая, разные кладовки и прочее. А ещё есть вторая кухня, где домработница обеды готовит. И всё это требует ежедневной уборки.

Юля минут пятнадцать водила гостя из комнаты в комнату, а он, округлив глаза, рассматривал большие ковры на полу, красивую импортную мебель, картины, гравюры, диковинные цветы.

– Да-а, – протянул он, наконец. – Не квартира, а княжеские хоромы.

Они зашли в Юлину спальню; Денису не терпелось прикоснуться к своей любимой, обнять её. Он быстро разделся. Но Юля, притворно строго посмотрев на него, скомандовала:

– Потерпи, ещё не время. Сначала я рубашку твою постираю, потом тебя намою, а уж пото-о-м... – Она сбросила с себя одежду, зажмурилась и помотала головой, давая понять, какое наслаждение ждёт их впереди.

– Юль, – сгорая от нетерпения, сказал Денис, – рубашка у меня совсем чистая, так что...

– Никаких возражений. Доставь мне удовольствие постирать рубашку любимого. – Юля крепко поцеловала Дениса в губы и, взяв рубашку, пошла в ванную комнату. Денис последовал за ней:

– Буду любоваться тобой голенькой.

Юля стирала, а Денис, стоя сзади, не сводил глаз с её обнажённого тела. От её наклонов над ванной он приходил в такое возбуждение, что готов был презреть запрет возлюбленной. Чтобы немного остыть, он отвёл взгляд в сторону, начал изучать стены и потолок ванной. Бросились в глаза её большие, нестандартные размеры, добротная отделка.

Наконец Юля выпрямилась.

– Ну что, заждался?

– Очень.

– Сейчас. Только повешу рубашку, и наполню ванну. – Открыла оба крана и, обняв Дениса, стала целовать его грудь.

– Денис, ты так вкусно пахнешь. Твой запах, как хорошее вино, кружит голову.

Приговаривая, она села в воду и поманила Дениса. Тот с явным удовольствием последовал за ней, устроившись напротив.

– Ну вот, – огорчилась Юля, – сейчас ты смоешь свой запах, и я тебя потеряю.

– Что ты такое говоришь, никогда ты меня не потеряешь.

Юля засмеялась:

– Это я так сказала, не делай испуганные глаза. Но ведь что-то притягивает людей друг к другу, правда? И, скорее всего, притяжение происходит не потому, что человек красив внешне, а существуют другие, необъяснимые причины сближения. И не желание секса ведёт в первую очередь к этому человеку, а что-то совершенно иное, непонятное. Может, именно запах.

– Юль, – тихо произнёс Денис, дождавшись паузы.

– Что?

Нет, он всё же решил повременить минуту. Придвинулся к Юле так – дальше некуда. Она не отстранилась, наоборот, подалась в его сторону. Он нежно обнял её, поцеловал.

– Юленька, будь моей женой, – стараясь смотреть ей в глаза, сказал Денис. – Мы любим друг друга, зачем откладывать? А с женой я быстренько разведусь.

Юля помолчала.

– Денис, – ласковым тоном сказала она, – я согласна, но учти одно: в наших судах быстро не разводят, придётся набраться терпения.

– Наберусь.

Юле хотелось сказать Денису, что все слова любви, которые у него с языка срываются, возможно, от её раскованности в постели, ведь и его она от деревенской закомплексованности избавила. После этого у него и вспыхнули любовные чувства. Однако вслух свои догадки не высказала, а сказала другое, хотя и этого бы не следовало говорить, но вырвалось:

– Тебе, Денис, проверить себя надо, настолько ли крепка любовь ко мне, не лопнет ли она как мыльный пузырь через неделю. Если будешь чувствовать хотя бы месяца два, что тебе не хватает меня, как воздуха, и будет такое ощущение, что у тебя душа не на месте, и непреодолимая сила тянет ко мне, это уже серьёзные признаки любви. Это будет твой испытательный срок... Мне бы, конечно, хотелось, чтобы ты это время пожил у родителей в деревне и не спал со своей... – Она чуть не сказала «грязной женой».

– В общем, скажу тебе честно, – призналась она, – меня от одной только мысли, что ты будешь спать с женой после меня, в дрожь бросает. Но... придётся терпеть.

– Юль, я завтра же подам на развод, – твёрдо заверил Денис. – И уеду к своим родителям.

– Нет, – возразила Юля, – в том-то и заключается проверка твоих чувств ко мне. Может, за это время твоя жена так притянет к себе, что ты про всё на свете забудешь.

– Да никак она меня не притянет! – вспыхнул Денис. – До этого не притягивала, а сейчас тем более.

– Нет, нет, – стояла на своём Юля, – ещё неделю мы с тобой встречаемся, а потом... Оох, тяжело мне будет без тебя два месяца, ох и тяжело. Но надо. – Она встала на колени и, глядя любимому в глаза, добавила: – Я ведь развелась со своим мужем не только из-за того, что он пил, а из-за того, что изменял. Это для меня самое страшное предательство.

– Я никогда тебе не изменю! – стукнул себя мокрым кулаком в грудь Денис. – Хочешь, в церкви поклянусь перед иконами?

Юля нежно погладила его по голове:

– Испытай себя, пожалуйста. А сейчас я тебя буду мыть...

Через некоторое время она повела Дениса в свою спальню, уложила на кровать и легла рядом. Здесь они принялись друг друга ласкать, касаясь кончиками пальцев и губами самых чувствительных мест.

– Юлюшка! – не выдержал Денис. – Королева, любовь моя! – Он никогда и никому не говорил таких возвышенных слов. А сейчас это случилось само собой, как будто он ежедневно, да чуть ли не ежечасно говорил подобное.

...После душа Денис расположился в кресле, а Юля, порывшись в своём письменном столе, достала тонкую папку. Сев на краешек кровати и, положив ногу на ногу, спросила:

– Денис, ты в каком месяце и какого числа родился?

– Седьмого июля.

– Так, сейчас посмотрим, кто ты по гороскопу и сопоставим со мной. Я по гороскопу Дева, а родилась, чтобы ты знал, 5-го сентября. Получается, что я тебя моложе на два месяца без двух дней.

Найдя в папке нужный ей листок, она сказала:

– По гороскопу ты Рак. Теперь слушай, что о тебе говорят звёзды. «Мужчина Рак находится под влиянием прибывающей и убывающей Луны. Поэтому его настроение также меняется. Обидевшись на чью-либо грубость, замыкается в себе. А на обидчика может обрушиться с гневом. Весьма красноречив...» Что пока не очень проявилось у тебя, значит, позднее проявится.

Юля мягко улыбнулась, бросив взгляд на внимательно слушающего Дениса, и снова склонила голову над листком.

«Также умеет слушать...»

– Вот слушать, Денис, ты мастер, я обратила на это внимание. Читаю дальше: у вас, Раков, «богатое воображение, хорошая интуиция, участливы к состраданию другим. Но при этом они скрытны, не любят обсуждать свою личную жизнь. Острый, аналитический ум Рака способен разрешить самую трудную задачу. Специалист в денежных вопросах. Если же кто-то будет ему мешать, Рак тут же вцепится в него клешней. Мужчина этого знака очень чувствителен. Постоянно поддерживает хорошие отношения со старыми друзьями». Так... – Юля сделала паузу, чтобы взглянуть на Дениса. – «Мужчина Рак не будет счастлив, если у него нет жилья, которое он может назвать своим. Свой дом для него – это то место, где он будет чувствовать себя уютно». Та-а-к. «Мужчина Рак к любви относится очень серьёзно. От своей любимой хочет не только физического, но и духовного единения»...

В этом месте Денис не выдержал:

– Надо же, как правильно всё написано. И то и другое, Юлюшка, я получаю от тебя. Со всем согласен.

– Слушай дальше. – Юля отвела за ухо прядь волос, упавшую на глаза. – «Мужчина Рак – преданный человек и этого же требует в ответ». Да, Денис, кажется, мы с тобой действительно подходим друг другу, – с удовлетворением заметила она. – «Он верит в вечную любовь. Домашний очаг для него – самое дорогое. Сильно развит родительский инстинкт. Его упорство, интеллект помогут ему в достижении цели. И...» – Тут молодая женщина возвела руки к потолку и с пафосом обратилась к себе: – Юля! Будь с Денисом Раком бдительна во время полнолуния. Это будет залогом твоего успеха в личной жизни. С ним, только с ним, с этим Денисом Раком. – Она весело улыбнулась, посмотрев на любимого, и вновь зашелестела страницами в папке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.